

Веретено

Александра Позднякова

18+

Александра Позднякова

Веретено

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72206095

SelfPub; 2025

Аннотация

Когда Великая Пряха случайно запутывает нить судьбы, жизни четырёх человек из разных времён странным образом переплетаются. И теперь средневековой травнице, юному знахарю, вынужденному участвовать в «охоте на ведьм», советскому мальчику из интерната и современной девушке придётся разбираться не только с собственными жизнями, но и с тем, как не сойти с ума, отличить дар от галлюцинаций и занять полагающееся в роду место.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	51
Глава 11	55
Глава 12	59
Глава 13	64
Глава 14	69
Глава 15	80
Глава 16	87
Глава 17	92
Глава 18	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Александра Позднякова

Веретено

Пролог

Великая Пряха была не в настроении: кудель, которую она сегодня взяла, то вилась тонкой ниточкой, то переходила в толстые уплотнения. Нежную кожу пальцев натирали неровности шерсти, и она то и дело чувствовала жжение в подушечках.

В какой-то момент, когда нить пошла ровная и достаточно тонкая, Пряха задумалась о своём. Знаете, бывает так, что вроде сосредоточишься на чём-то, а если кто-то спросит: «О чём сейчас думаешь?» – мысль убегает, и ты даже не успеваешь её поймать. Так и Пряха погрузилась в состояние внутренней медитации. Она видела, каким причудливым образом люди проживают судьбы, совершенно забывая о том, как они связаны со своими предками. Не раскрывают того, что даровано им с рождения, и страдают, как нищие, сидящие на мешке с золотом, но не понимающие этого. Или от чего-то бегают, пытаясь избавиться от части себя, лишив себя своей же силы.

Бывают, конечно, и те, кто изучают свою родословную, передают семейные легенды детям. Но чаще люди считают,

будто это они создали всё, что у них есть. Будто они чистый лист, который сами заполняют. Отчасти это так – свободу воли никто не отменял. А отчасти...

Тут острая боль пронзила палец Пряхи. Она дёрнула рукой, нитка разорвалась, а веретено выпало и покатилося, запутывая петли на длинном конце пряжи.

Глава 1

– К какому мастеру вас записать? – вопросительно посмотрела на Игоря администратор парикмахерской.

– Эмм. А кого посоветуете? Я первый раз.

– У нас все мастера хорошие, – выдала блондинка заученную фразу.

– К Ольге идите – не пожалеете! – услышал Игорь голос сбоку.

Повернувшись, он рассмотрел на диванчике миловидную даму пенсионного возраста. Старушкой её назвать язык не поворачивался. Бархатный бордовый костюм, идеально сидящий на крепкой фигуре с королевской осанкой, алый маникюр, лаковая сумочка. Но самое удивительное – это старомодная кокетливая шляпка, которая настолько уместно смотрелась на этой леди и неуместно в обычной парикмахерской спального района, что Игорю показалось, что он попал на киносъёмку фильма прошлого века.

– Хорошо стрижёт?

– Стрижёт нормально. А вот самочувствие после её рук...
Всю жизнь мигренями мучилась – ничего не помогало, а как схожу к Оленьке – облегчение на пару недель.

– Интересно, – задумался Игорь и машинально потёр шрам, проходящий через правый висок.

Длинные волосы скрывали его начало на темени – он спе-

циально делал удлинённую стрижку, а вот конец доходил до самой скулы. Хоть с аварии и минуло уже два года, а головные боли не отступали.

– Давайте попробуем к Ольге. – Игорь с благодарностью кивнул даме и записался на стрижку.

«А мадам оказалась права, – Игорь с удивлением обнаружил, что, выйдя от Ольги, не чувствует боли, которая фонила последние пару лет. – Интересно».

*

Оконное стекло приятно холодило лоб. Оля смотрела сквозь стену дождя и погружалась в философскую печаль. Одиночество не опустошало, как разорванная пульсирующая рана, оно, скорее, фонило смесью безнадёги, смирения и неверия.

«Господи, мне уже двадцать четыре, институт закончила, работу работаю и до сих пор не замужем. Почему?!»

Ей всегда казалось, что как только она вырастет, сразу же встретит Его, они поженятся и будут счастливы. И вот уже, можно сказать, полжизни прошло, а Им даже не пахнет.

«А вдруг я навсегда останусь одинокой? Никому-никому не нужной? И так и буду жить с мамой. А всю мою браваду, ежедневные одноразовые свидания, походы в кино, тусовки с друзьями смоет за ненадобностью дождь, и я ни с кем и никогда не испытаю настоящей любви?»

Высота была небольшая – всего пятый этаж. Но в этот момент она была такой манящей... Оля с трудом перевела

взгляд на небо. Появлялись первые звёзды.

Всё будет хорошо, моя милая.

Оля дёрнулась, стала крутить головой, но никого не увидела. Показалось.

Очень скоро ты встретишь Его – твоего самого родного человека. И всё будет хорошо. Не опускай руки.

Девушка поёжилась. Это не был глюк в традиционном смысле. Она не слышала звука голоса, не видела никого вокруг. Слова звучали внутри её. Было очень странно, немного страшно, но смысл услышанного действовал обнадеживающе.

«Кажется, пора идти спать», – подумала Оля. И эта мысль чётко ощущалась как именно её мысль, чем она себя и успокоила.

*

С Владом Ольга познакомилась на сайте знакомств три года назад. На встрече они обнаружили, что между нет «химии», однако от разговоров друг с другом не могли оторваться. Стали дружить, продолжая встречаться на кофе раз в месяц даже когда Влад женился.

– Оля, ты сейчас только ничего такого не подумай, – начал парень на их ежемесячном кофейном ритуале. – Мне жена рассказывала, что перед нашим знакомством она узнала от одной бабушки, что нужно спрясть нить из кудели руками, а потом смастерить куклу «неразлучники», обвязав её этой самой нитью. После того как она это сделала, мы очень быст-

ро познакомились.

Ольга засмеялась:

– А иголками потом тыкать эту куклу не надо?

– Да ну тебя. Понимаю, что смотрится дико. Да вот только Наташа говорит, что именно это и помогло нам встретиться.

– Прикольно, – задумавшись над его словами, кивнула Оля.

Вечером, после работы она засела в ютуб в поисках видеороликов, пытаюсь понять, что за зверь такой – кудель и как делать загадочных неразлучников. Затем в интернет-магазине заказала всё необходимое и легла спать.

Ночью девушке снились красочные сны, которые к утру, естественно, позабылись. Только в голове крутилась странная песенка:

*И как ниточка бежит,
Путь-дорожку оградит
Молодца и девицы,
Судьбы их соединит,
Сердце к сердцу застучит
Милостью волшебницы.
Нитка распрямляется,
Парочка встречается,
Да любовь рождается,
Деток прибавляется.*

Оля целый день напевала её себе под нос. И только когда вечером поехала забирать заказ из магазина поняла, что эта

песенка как нельзя кстати подходит для неразлучников.

Она не стала надолго откладывать ритуал и после ужина села за дело. Прясть сначала выходило так себе. То нитка обрывалась, и приходилось снимать всё, что уже сделала – узелков на ней не должно было быть, – то получалась слишком толстая. А то и вовсе веретено выскальзывало из рук, и никудышная мастерица лезла шваброй под диван, чтобы его достать. Но Оля не была бы Олей, если бы не довела дело до конца.

Часам к двум ночи, когда на пальцах появились набухшие мозоли, девушка сняла с веретена нитку нужной длины. Да, она была не сильно ровная, но для первого раза – самое то: достаточно крепкая, чтобы сделать куклу-мотанку¹.

---

¹ Кукла-мотанка – кукла, сделанная из ткани с разными наполнителями методом мотания. Название произошло от слова «мотать». Первоначально куклу-мотанку использовали в обрядах, посвященных празднованию весны. Она служила символом плодородия и благополучия, а также использовалась как амулет для защиты от болезней и несчастий.

Глава 2

Стебли легко соскальзывали от поцелуя ножа. Хельга наполнила уже половину корзины полынью, когда на небе появилась ночная владычица.

«Пора», – подумала женщина и направилась к поляне, где обычно проводила ритуалы.

Кожу стоп приятно холодила выпавшая на траве роса. Замерзнуть Хельга не успела, потому что быстро дошла до кромки ельника. А тут мягким ковром землю устилали сухие иголки.

На заветной полянке чуть поодаль от кострища уже лежал хворост. Хельга взяла небольшую, с фут длиной палку и стала продавливать в земле форму для будущих свечей. Когда четыре ямки были готовы, она внимательно осмотрелась вокруг и сразу увидела пару маленьких шишечек. То, что нужно. Но мало. Ещё бы две.

Женщина прикрыла глаза, почувствовала тепло в груди. Мысленно растянула его по всему телу и отпустила себя. Ноги повели её к совсем молодой ёлочке, и там, где было особенно темно, она наконец наткнулась пяткой на ещё одну маленькую шишечку. Наклонилась и ладонью пошарила рядом.

«Так и есть! Сестрёнки всегда вместе», – Хельга довольно покатала уже две найденные малышки.

Вернувшись на поляну, она завязала фитильки на шиш-

ках и протолкнула их в центр выемок. Поперёк каждого отверстия положила прутики, на которые накинула концы фитилей, чтобы они были чётко по центру.

Теперь самое время прикрыть хворост несколькими толстыми палками – благо в лесу их предостаточно. Хельга отвязала мешочек с пояса и достала из него кресало и кремёнок с трутом. Высекла искру, раздула загоревшуюся ветошь и зажгла от неё костёр.

Женщина достала из корзины ковшик, быстрыми и выверенными движениями мелко крошила в него воск (спасибо любимому ножу) и вернулась к огню. Надёжно разместила ковшик над яркими язычками пламени. Присела на корточки и, вытащив из кармана холщовый мешочек, достала из него сухую траву.

Воск уже наполовину растаял. Чуть подождав, она засыпала в ковшик несколько щепоток. Тонким коротким прутиком перемешала. Пора.

Матушка-Земля,

Прими воск в себя,

Собери, подари, напитай,

Свечу заветную создавай.

Пусть достаток и удача

В каждой шишечке без плача

Сохраниются, напитают,

Кто зажжёт их – помогают.

С куплетом Хельга заливала одну выемку. Затем начина-

ла речитатив по новой, заполняя следующую. Горячий воск шипел, соприкасаясь с прохладой земли. Тонкий медовый аромат нежно ласкал лицо женщины, а тёплый огонь рядом давал ощущение надёжных и горячих объятий.

Когда всё было сделано, из другого мешочка она достала четыре серебряных монетки и аккуратно опустила их в воск.

Монетку добавляю – богатство привлекаю.

Посмотрела, как они скрылись в горячем воске, и сверху на каждый положила свежий листик мяты – закрепить денежную энергию. Она любит мяту.

Теперь можно и расслабиться. Хельге захотелось подкинуть ещё несколько толстых палок в огонь. В подогретой августовской ночи она скинула сарафан, рубаху и разрешила телу двигаться в такт внутренней музыке, которая резонировала с лунным светом.

Глава 3

Ольгерд ещё слышал проклятия за спиной, когда закрывал дверь. Он ненавидел себя за то, что делал, но малодушие не позволяло ему сопротивляться системе. Он не хотел оказаться на месте любой из девушек.

Пока он регулярно приводит «колдуний» на суд, а по большому счёту – на казнь, никто не заподозрит, что с ним что-то не то. Так он считал.

Мысли использовать свои способности против системы Ольгерд отнёс сразу – слишком большая махина инквизиции, слишком много власти в ней. А он только и может, что хворь ладонями убирать да обречённых без боли на тот свет провожать.

Ему было жаль каждую из них. Но страх, всепоглощающий и цепенящий, который сковывал его волю, когда рядом появлялся Роман – его покровитель, заставлял юного Ольгерда делать всё, что от него требовали: хватать женщин, связывать их и тащить в темницу.

И всё потому, что он так по-глупому попал год назад на службу к Роману Корбу.

*

В тот день Ольгерд собирал в лесу ягоды. Он был единственным знахарем в загнивающей деревушке из четырёх домов. Мать, умирая два года назад, наказала ему ни за что

не соваться в соседние деревни и держаться подальше от чужаков. Помогать только своим, и ни за что и никогда не помогать незнакомцам.

Молодой знахарь увлёкся собирательством, что не заметил, как солнце начало катиться к горизонту. Он утёрпал так далеко, как никогда ещё не заходил.

Вдруг он услышал крик. Душераздирающий. Инстинкт сработал быстрее мысли – и он понёсся на звук, откинув мешавшую корзину.

Сначала юноша не понял, в чём дело. На траве лежал человек, руки которого на запястьях были прищиплены к земле железными прутьями. Он ссучил ногами и истошно орал. Стоявшая спиной к Ольгерду женщина занесла над несчастным остро заточенный камень.

Когда счёт идёт на секунды, сознание не обращает внимания на детали. Так и Ольгерд не заметил валявшихся рядом двух огромных ножей, инкрустированных драгоценными камнями. Не увидел и того, что тёмная юбка женщины была пропитана кровью.

Он видел лишь, что сейчас произойдёт непоправимое – то, чего сердце знахаря никак не могло допустить. И даже материнский зарок в этот раз не сработал – слишком большой всплеск жизненной силы заставил Ольгерда броситься на нападавшую и снести её своим телом.

*

Очнулся он от криков женщины. Два воина держали её,

пока третий насилывал. От ужаса и страха Ольгерд онемел. Он не мог ни пошевелиться, ни отвести взгляда – тело стало каменное. Казалось, что и дышать перестал.

– Что? Тоже хочешь? – голос сбоку вывел юношу из оцепенения. – Заслужил. Сейчас они кончат – и можешь приступить, – говорил мужчина, ещё недавно лежащий на земле, пока его руки перевязывал другой герр.

Ольгерд во все глаза посмотрел на него, до конца не понимая смысл слов.

– Как хоть зовут тебя, спаситель? – усмехнулся он.

Юноша не чувствовал ни горла, ни языка. Он снова перевёл взгляд на то, что происходило в нескольких шагах от него, и, взмолившись про себя: «Матушка Великая Пряха, пошли мне защиту!», потерял сознание.

– Малахольный!

Лицо Ольгерда обожгло холодной водой. Он дёрнулся и открыл глаза. Человек, который до этого обрабатывал руки спасённому, сейчас внимательно смотрел в лицо юноше.

– Ты кто такой? – он просунул кисть под плечи Ольгерда и потянул так, чтобы тот сел.

«Всё стихло. Великая Пряха, спасибо, что всё закончилось», – подумал Ольгерд.

Он потряс головой. Несколько струек воды неприятно потекли по шее и забрались под рубаху.

– Глухой, что ли? – спросил подошедший мужчина. – Вроде же оборачивался на голос.

Ольгерд помахал головой из стороны в сторону, судорожно соображая, что происходит.

«Женщина хотела убить вот этого, с перевязанными руками. Я ей помешал. Потом не помню. Потом очнулся. Великая Мать! Как она?! Как же такое произошло?!»

Незнакомец заметил, как юноша забегал взглядом по поляне.

– Девку ищешь? Извини, ничего не выйдет – сильно её помяли. Не знаю, доживёт ли до Великого суда.

Ольгерд наконец увидел женщину. Она лежала связанная, без сознания, под дальними кустами. Сердце знахаря сжалось от боли. Внутренний инстинкт шептал не делать лишних движений. И вообще молчать. Он перевёл взгляд на того, кого спас. Дорогая обувь. Кожаные штаны. Испачканная рубаха из очень тонкого полотна – такого он никогда не видел. Незнакомец смотрел на него внимательным взглядом тёмных глаз. В бороде ещё торчали травинки.

– Немой, что ли? – задумчиво спросил он.

Ольгерд кивнул.

– Понятно. Ну что ж. Вижу, что ты из простых. А вот я нет. И за то, что ты мне жизнь спас от ведьмы поганой, беру тебя к себе в услужение. Будет тебе и кров, и хлеб, и монета. Родители есть?

Ольгерд поспешно замотал головой.

– Тем лучше. Вставай и пошли.

*

Когда Роман занял место умершего отца, он быстро понял, что местные знахарки имеют довольно приличные заработки, «забирая хлеб» там, где он мог бы пойти в его казну. Простой люд до сих пор не решался приглашать к себе врачей из-за дороговизны и тайно бегал за помощью к целительницам, поэтому Роман объявил в своих владениях знахарок колдуньями и ввёл для них смертную казнь.

Истребление шло долго. Уже кое-как простолюдины начали обращаться к местному лекарю из замка семьи Корбу, и казна Романа стала расти. Но в округе было ещё много деревень, расположенных достаточно далеко. Посылать оттуда за врачом было бессмысленно: больные бы умерли, не дождав-шись помощи. Но умирать хотели не все, и время от времени до Романа доходили слухи о целительницах.

Граф уже выписал нескольких молодых докторов из столицы, чтобы рассадить их в провинциях. Ехать сюда мало кто хотел, пока он не пообещал им приличное жалование. А чтобы жалование было и чтобы люди охотнее шли к молодым лекарям, нужно было уничтожить всех этих баб, которые забирали его деньги.

Стражники графа не зря ели свой хлеб: выследили очередную стерву. Девка была красивая, по вкусу Роману, но подчиниться ему не пожелала и чуть, паскуда, не убила.

Хорошо, что тот щенок появился. Хотя что-то в нём Романа настораживало. Он не мог понять, что именно, но что-то с парнем было не так.

«Ладно, поживёт рядом – присмотрюсь к нему».

*

Ольгерда накормили и выделили в замке Романа комнату. Служанка принесла ему поесть.

Юноша сел на койку и обхватил голову руками.

Картинки изнасилования до сих пор мелькали перед глазами и вызывали озноб и ужас. Он даже представить не мог, что такое бывает. В его деревне все знали друг друга с детства, и если случались ссоры в семьях, то их никто не видел.

До сегодняшнего дня он даже не понимал смысла маминного зарока. Как это так: никому чужому не помогать? Если живому человеку плохо, то всё его существо стремилось на помощь. А сегодня первый раз в жизни он об этом пожалел.

Хотя если бы он позволил произойти убийству – никогда бы себя не простил. Но теперь он никогда себя не простит и за то, что не позволил...

Глава 4

Первый раз это ощущение Ольга испытала в детстве, когда бабушка привезла её, трёхгодовалую, на море. Девочка так много слышала о нём, но это даже отдалённо не походило на то, что открылось перед её глазами.

До поездки малышка думала, что море – это огромная ванна с водой, в которой купаются люди.

– Бабуля, а мы увидим клан, из котолого вода в моле набилается?

– Вот глупая! Крана для моря не бывает!

Поняв, что она глупая, Оля не стала дальше уточнять, а откуда вода тогда берётся.

Но там, на берегу, то, что она видела, вообще ни разу не напоминало ванну. Это больше походило на странный пол, который шевелился. Там и тут из него торчали головы людей. Иногда с головами виднелись торчащие тела разной длины: подальше – с плечами, поближе – даже с туловищем и половинкой ног.

Пока бабушка расстилала покрывало и снимала одежду, Оля понеслась в море. Она хотела как можно дальше пробежать по поверхности воды и даже не заметила, как её ноги запутались, и девочка плюхнулась с головой под воду.

Откуда-то из глубины Оля услышала голос:

Не дыши!

Она поняла, что сейчас это очень важно, и задержала дыхание. Хлопала глазами и видела малюсенькие двигающиеся полосочки. Камушки переливались искорками солнечных лучиков. А вот какая-то интересная перемещающаяся плоская штука на ножках.

Только она хотела повнимательнее это рассмотреть, как её что-то подхватило и подняло высоко-высоко. Оля рефлекторно сделала глубокий вдох и замерла.

Где-то внутри опять донеслось:

Дыши!

И она стала дышать, но неприятное ощущение на теле только усиливалось. Её что-то сжимало.

– Чей ребёнок?! Чей ребёнок?! – раздался голос у Оли за спиной.

И в этот момент она сообразила, что какой-то дядька держит её двумя руками за подмышки и орёт над самым ухом. Внезапно ей стало холодно и страшно. Она посмотрела в ту сторону, в которую её нёс орущий великан, и увидела кучу людей. Все они были кто в трусах, кто в купальниках, но бабушки нигде не было. Горло девочки сковал спазм, и стало больно. Она закрыла глаза и собралась захныкать. Кричать побоялась – вдруг её кинут, а падать слишком высоко. А вот хныкнуть, привлечь внимание, чтобы отпустили...

– Ох ты боже мой! Оля! Мой! Мой ребёнок, – бабуля смешно ковыляла навстречу.

Оля открыла глаза и затаила дыхание: никогда не понятно,

чего ожидать от бабули – обнимашек или поддавашек и ора.

На этот раз повезло. Бабушка схватила девочку, прижала к груди. Распричиталась, чтобы с ней стало, если бы с внученькой случилась беда, и так долго благодарила дядю, что он сам был уже не рад.

*

Второй раз это произошло в тринадцать лет. Оля стояла на крыше своей двенадцатиэтажки с блокнотом в руках и смотрела вниз. До края было около метра и небольшой пруттик ограды. Она чувствовала, что высота магнитом медленно притягивает её, и девочка как будто сама, из любопытства, наклоняет голову в сторону края.

И тут порывом ветра её потянуло за юбку назад. Было чёткое ощущение, что её именно тянули. Но когда она оглянулась, на крыше никого не было. Показалось, наверное.

Уходи отсюда. Сейчас же!

Приказал голос внутри. Вроде и Олин, а вроде и нет.

Но она, сама не понимая почему, поспешила к двери на чердак. И вовремя. Рабочий уже закрыл замок на железном ограждении внутри подъезда, через которое она сюда вошла, и спустился на один этаж.

– Подождите! Откройте, пожалуйста, – пропищала девочка.

Глава 5

Свечи Хельги расходились в два счёта. Они приносили ей хороший прибыток. Ну а воск всегда предупреждал, с каким человеком можно иметь дело, а от кого жди неприятностей.

Ирония судьбы заключалась в том, что Хельга была отличной повитухой и к своим тридцати девяти годам приняла не одну сотню младенцев, так и не родив собственного. И только про себя никогда не могла узнать ни у воска, ни у карт, ни у духов – сможет ли когда-нибудь.

Раз в год на летний праздник плодородия она отправлялась далеко-далеко, чтобы попытаться счастья в чужих деревнях. Но ещё ни один из её прыжков через костры с молодыми парнями и поиски цветка папоротника не принёс ни папоротника, ни беременности. Вот и сейчас она думала: а стоит ли вообще? В её возрасте уже многие детей женили.

Но всё-таки решила для себя, что если в сорок лет не забеременеет, то поставит на этой идее крест. Хотя в её деревне никто и не думал, что у знахарки могут быть дети в таком возрасте.

По весне Хельге приснился сон. Молодая девица, странно одетая, с мозолями на пальцах, истово мотала куклу неразлучников и что-то бормотала. Хельга прислушалась и поняла, что просит она о суженом, да так обречённо, как она сама обречённо думает о ребёнке.

Утром травница раскинула карты и увидела, что суженый у девицы есть. Только как будто запутаны их пути-дорожки. Ходят по одним и тем же улицам, а встретиться никак не могут.

И тогда решила Хельга ей помочь. Хотя и чувствовала, что не родилась ещё та девица на белом свете, да если во сне появилась, то рано или поздно это случится.

В следующее полнолуние пошла знахарка на свою тайную поляну, где проводила ритуалы. Достала две восковые фигурки – мужскую и женскую – и клубок ниток. Размотала его, один конец привязала к женской фигурке, а другой – к мужской. Спутала нить и разожгла огонь.

Когда костёр ярко разгорелся, Хельга запела и начала распутывать нитяную путаницу.

*И как ниточка бежит,
Путь-дорожку оградит
Молодца и девицы,
Судьбы их соединит,
Сердце к сердцу застучит
Милостью волшебницы.
Нитка распрямляется,
Парочка встречается,
Да любовь рождается,
Деток прибавляется.*

Когда нитка была распутана, Хельга стала попеременно наматывать её на фигурки, пока они не приблизились друг

к другу, и связала их запястья вместе. А потом бросила в костёр.

*

– Оля, ты станешь моей женой? – Саша стоял перед ней на одном колене на безлюдной дорожке в Коломенском парке.

На глазах Оли выступили слёзы. Она столько ждала этого момента! Она так мечтала встретить Его. И вот, наконец, ОН – настоящий, из плоти и крови – стоит перед ней с кольцом в открытой коробочке и улыбается самой прекрасной улыбкой на свете.

А она... Она просто не имеет права ему не сказать. Нельзя начинать семью со лжи. Даже если не открыто врёшь, а не договариваешь. Такие вещи нельзя скрывать от того, с кем собираешься провести всю жизнь. Но если сказать... Можешь и не провести.

Оля сделала глубокий вдох, взяла Сашу за свободную руку и потянула на себя:

– Прежде чем я отвечу, ты должен кое-что обо мне узнать.

Вставая, Саша обеспокоенно посмотрел на девушку. Но руку не забрал. В другой руке так и осталась открытой коробочка с кольцом.

Оля повела его к ближайшей лавке.

– Понимаешь, Саш, есть одна вещь, узнав о которой, ты можешь передумать...

Он смотрел на неё:

– Ты умираешь?! – спросил Саша единственное, что при-

шло в голову.

– Что? Да нет же! – Ольга сбилась со своего серьёзного настроения и улыбнулась.

– Уже хорошо, – кивнул Саша, улыбаясь в ответ. – Значит, всё остальное сможем пережить.

Улыбка сошла с лица Оли, она глубоко вдохнула и на выдохе произнесла:

– В общем... Мой отец, скорее всего, был болен психическим расстройством.

– И? – не понял Саша.

– Ну, такие вещи могут передаваться по наследству. Я не знаю, каким именно, он вроде не лежал в больнице, и какого-то официального диагноза у него не было. Мама говорила, что он странно себя иногда вёл. И я очень боюсь, что могу передать это нашим детям...

Саша присмотрелся внимательнее к Оле, но когда понял, что она говорит серьёзно, улыбнулся и притянул её к себе:

– Вот, Оль, ты такая умная. А такая дурочка! Нашим детям ты сможешь передать только свою красоту, доброту, заботу и нашу любовь! Поняла?

По её щекам покатались слёзы, а плечи опустились. Облегчение. То, что она считала самым страшным и позорным своим секретом, то, что могло, по её мнению, оттолкнуть Сашу, на его взгляд, оказалось глупостью.

– Правда?

– Ну, конечно! Ты слишком забиваешь себе голову разной

ерундой.

Оля в ответ робко улыбнулась.

– А теперь давай говори: выйдешь за меня замуж?!

– Да! – Девушка обняла любимого. – Ты самый замечательный человек в моей жизни!

Свадьбу решили справить через полгода.

И чем ближе подходил этот день, тем больше Олю одолевали сомнения: а действительно ли она достойна Саши? А сможет ли на самом деле родить ему здоровых детей? А что, если родится мальчик? Ведь из интернета она узнала, что ген болезни мать чаще передаёт именно сыну? А точно ли отец был болен? Или это просто алкоголизм?

Эти метания не давали ей нормально спать. Часто снился сон, что, будучи беременной, она хочет избавиться от ребёнка.

Глава 6

– Оля, это что-то невероятное! Такой метод! Даже не описать! – Голова клиентки постоянно шевелилась, пока Ольга пыталась выровнять нижний край волос. – Чужие люди, всех вижу в первый и последний раз в жизни. Рассказала свою историю в ключевых моментах. Потом ведущая говорит: «Выбери кого-то на место твоей мамы и поставь внутри круга, где считаешь нужным». Я так и сделала. Потом поставила «заместителя» себя – это так называют человека, который как бы замещает людей из твоей жизни. А потом я просто села и смотрела на них. Ведущая спрашивала, что они чувствуют, чего им хочется. И тут! Представляете?!

Женщина дёрнулась вперёд к зеркалу, как бы заглядывая через него Ольге в глаза. Прядь выскользнула из пальцев, и кончики ножниц вспороли тонкую кожу в ложбинке между указательным и средним. Появилась красная капелька.

– Извините, я на минутку. – Ольга сунула ножницы в парикмахерский карман на поясе, достала из тумбочки БФ-клеи и капнула на ранку.

– Ой, простите! Вы из-за меня поранились! Я просто не могу спокойно об этом говорить!

– Да, ничего, бывает, – попыталась успокоить её Ольга, но клиентка будто не слышала.

– Вы пока ждёте, я всё же дорасскажу. Так вот, эта незна-

комая женщина, стоящая на месте мамы, вдруг выдаёт мамину фразу! И даже её интонацией! «Да когда ж ты уже станешь взрослой?!» Я смотрела на неё и не могла поверить! Эту фразу я точно не говорила, а она... Невероятно просто!

Ольга прикоснулась пальцем к ранке. Клей затянулся, и она снова встала за спиной у клиентки. Провела расчёской по влажным волосам.

– Да, удивительно.

– И не говорите, Оля. Такой интересный метод. Вроде и психология, а вроде и магия.

– Как, говорите, называется?

– Расстановки по Хеллингеру².

Спустя неделю Оля решила сходить на расстановки, о которых узнала от клиентки. На особый результат она не надеялась, скорее, было любопытно узнать, что ж это такое.

Описав ведущей свои волнения и семейную ситуацию, в которой есть много неизвестного и непонятого про отца, Оля рассказала, что он ушёл от них, когда ей было десять лет, и что, скорее всего, у него были проблемы с психикой. Ведущая объяснила, как будет проходить сеанс, и помогла выбрать «заместителя»³ отца.

---

² Психологический метод, который позволяет установить связь нынешних проблем с родовыми проблемами прошлого. Процесс выглядит как ролевая игра: клиента и его родственников изображают заместители. Метод основан на способности человека «считывать» незнакомых людей. Это помогает разобраться, какие есть нарушения в семейной системе клиента.

³ Заместитель в расстановке – это тот, кто замещает клиента (заказчика рас-

Процесс разворачивался на глазах: мужчина, который был в роли Олиного папы, сразу же как встал в «поле»⁴, упал на колени и зажал голову.

– Что с тобой сейчас? – спросила психолог-ведущая.

– Мне очень страшно. Я чувствую угрозу.

– Чего именно ты боишься?

– Я не понимаю. Очень много всего, как будто за мной находится что-то очень страшное.

– Выйди, пожалуйста, – обратилась психолог к женщине из круга заместителей, – и встань за ним.

Когда женщина встала, сфокусировалась на себе, на своих ощущениях, не дожидаясь вопроса, она произнесла:

– Я чувствую дикую злость. Даже не злость, а ярость! Как будто я хочу убивать.

– Кого ты хочешь убить? Его? – указала ведущая на заместителя отца.

– Нет, я словно его даже не знаю. Но рядом есть кто-то ещё, кого я хочу убить.

Ведущая махнула рукой ещё одному участнику, приглашая его встать рядом с женщиной.

Когда тот встал, она спросила:

– Его?

– И его тоже. Мне кажется, что тут должно быть много

становки), его родных, близких или других участников ситуации.

⁴ Место в середине круга, где проходят сами расстановки. Заместители, клиент и психолог-ведущий находятся вокруг пространства, куда могут заходить только заместители.

людей. У меня настолько огромная ярость, злость, как будто я хочу убивать всех подряд.

Ведущая взяла коврик для йоги и положила рядом с последним вышедшим участником.

– Это много людей. Те, кого ты хочешь убить. Что сейчас чувствуешь?

– Сейчас я чувствую себя главной! Той, кто имеет право и может лишить их всех жизни.

– Угу.

Потом психолог обратилась к «отцу»:

– Что сейчас чувствуешь по отношению ко всем, кто за тобой стоит?

– Ужас. Мне дико страшно и хочется убежать подальше от этого всего. Я не хочу туда смотреть, я не хочу знать, что там у них делается. Это слишком страшно.

Оля смотрела во все глаза на то, что происходит, и чувствовала онемение. Всё тело словно застыло и только чудом дышало.

– Как ты? – обратилась к ней ведущая.

– Честно? В шоке!

– Да, это способно ввергнуть в шок. Очень часто к шизофрении приводят семейные истории, где были убийцы и жертвы. Как правило, в одном поколении был кто-то один, в другом – другой. И психика при наследовании этих сценариев как бы расщепляется. Для здоровых частей личности – это жутко – носить в себе генетическую память о смертях

и убийствах, и они как бы капсулируют, вытесняют это. Но бывает и так, что это каким-то образом в следующих поколениях всплывает. И шизофрения – расщепление, по сути, – это способ «не быть тем самым убийцей, насильником, жертвой». Что ты теперь чувствуешь по отношению к отцу, Оль?

– Мне его очень жаль. Я понимаю, что он ни в чём не виноват, и вижу, какой груз он нёс, сколько выдерживал того, что вообще к нему не относится. У меня ощущение, словно отец стал буфером между мной и вот этим всем, что за ним. Как будто он «держит» это всё, чтобы оно не свалилось на меня... – слёзы потекли по её глазам. Она смотрела на заместителя, а видела лицо своего папы. Таким, каким она его запомнила: достаточно молодым, всегда сосредоточенным и серьёзным.

Глава 7

Когда Коля родился, его мама уже знала, что с отцом ребёнка жить не будет. Год потерпела, помытарилась, потом послала мужа подальше, а Колю отправила к родственникам в Белоруссию. Выжить с младенцем без денег невозможно, а заработать с малышом на руках – тоже.

Так с самого детства он видел маму два раза в год – на майские праздники и осенью, когда у неё был недолгий отпуск. Каждая встреча была праздником: мама привозила сладости, которые ему никогда не доставались в другие дни из-за кучи двоюродных братьев. В такие моменты он запихивал в рот сразу столько, сколько влезало, а мама смеялась, ласково потрёпывая его за ушами.

Он никогда не спрашивал, когда она его заберёт к себе, потому что боялся, что тогда она вообще перестанет к нему приезжать. Тётка Нюра постоянно повторяла: «Взрослые не любят детей, которые задают вопросы». Все обёртки от съеденных конфет он собирал в специальную коробочку из-под чая, которую он нашёл как-то в урне у магазина, когда они с дядьями ездили в город за продуктами. По местным меркам сама коробка была сокровищем. Но для Коли гораздо более ценным было его содержимое. Он перебирал фантики поздними вечерами, когда все дети засыпали. Никому и никогда Коля не показывал своё сокровище. Ему казалось, что это

только их с мамой. И никто не имеет права шелестеть этими божественными бумажками и вдыхать остатки сладкого запаха.

Когда пришло время идти в школу, мама всё-таки забрала его в Москву.

Коля смотрел широко распахнутыми глазами в окно поезда и никак не мог поверить, что он будет жить с мамой. Наконец-то!

Барак он увидел издалека. Двухэтажное здание показалось ему дворцом, в котором теперь его мама, царица, и он, царевич, будут править страной.

Однако когда они подошли ближе, он заметил, что из каждого окна доносятся голоса, а если заглянуть, то везде – абсолютно везде! – копошатся люди. Коля крепче сжал руку мамы.

– Вот теперь я живу тут, – сказала мама. – Вон там, – махнула она рукой в сторону зарослей справа от дома, – видишь, такой сарайчик, как у тётки Нюры? Это туалет. Вокруг кусты, поэтому вечером лучше по светлому сходить, чтобы ночью не шарахаться. Сейчас хочешь?

Коля замотал головой.

Они поднялись на второй этаж, прошли по длинному коридору, заставленному тремя печами и тремя умывальниками, и зашли в угловую комнату.

Около окна стояла односпальная кровать. В её изголовье – стул. Слева от входа шкаф, почему-то без дверцы, из кото-

рого в беспорядке выглядывали разные тряпки.

– А где я буду спать? – удивился Коля.

– Сейчас, милый.

Мама сняла обувь и полезла под кровать.

– Вот. – Она вытащила серый полосатый матрас. – Стащила из поезда. Сегодня поспишь на нём на полу, а завтра пойдём устраиваться в школу. Вещи свои не раскладывай.

– Почему? – удивился мальчик. – Андрей вон, наоборот, когда в школу ходит, только тетрадки и учебники носит.

– Так Андрей в обычной школе учится, а ты будешь в специальной! Интернат называется. Там дети не только учатся, но и живут всю неделю. А когда я буду между рейсами дома, и если это будут выходные, – буду тебя сюда забирать. Матрас под кроватью будет тебя ждать.

Коля сильно закусил губу и стал часто-часто моргать. Сделал вид, что ему интересно то, что в окне, чтобы мама не заметила покрасневших глаз.

*

Первое время в школе было даже неплохо. Кормили немного, но по три раза в день постоянно. Не то, что у тётки Нюры: там он часто пропускал то обед, то завтрак. Хуже всего было, когда еду братья отбирали в ужин – заснуть было тяжело.

С ним в классе учились такие же потерянные и робкие дети, которые мало говорили.

Мама пообещала прийти за ним через две недели – тогда

у неё были выходные между рейсами. Она сказала, что это совсем немного, что он даже не заметит, как время пролетит. Но Коля на каждом уроке считал минуты. Он пока знал счёт только до двадцати, поэтому бесконечно считал и считал, считал и считал. При этом слышал, что говорит учительница, и если та обращалась к мальчику, всегда знал, что ответить.

Коля ковырял ложкой суп, когда казалось, что мама уже не придёт. И тут Ирина Васильевна позвала:

– Коля, собирайся, мама пришла!

Он соскочил с места, бегом отнёс тарелку на приём посуды и полетел в детскую спальню. У двери стояла мама. Такая красивая в своей цветастой юбке и тёмном свитере. Коля летел со всех ног, но перед самой мамой заробел и остановился.

– Привет, мой хороший! – Мама провела рукой по голове, и Коля от удовольствия прикрыл глаза.

– Ну что? Пошли?

– Да! – закричал Коля, но потом, испугавшись, что мама посчитает его слишком громким, закрыл рот ладошкой.

– Бери свой свитерок, надевай ботинки. Я тебя тут жду.

Мама забирала Колю один, редко два раза в месяц. В пятницу после обеда они уходили из интерната и ехали на Красную Площадь. Выйдя со станции метро «Калининская»⁵ мама покупала Коле газировку. Когда он в первый раз увидел

---

⁵ В 1990 г. переименована в «Александровский сад».

автомат, очень удивился: стакан просто стоял в окошке. В деревне его давно бы своровали. А тут поди ж ты!

Красивый стеклянный стаканчик нужно было сначала сполоснуть. Мама взяла его, надавила прямо стаканом на специальную круглую площадку, и снизу как по волшебству забрызгала упругая струйка воды. Вода врезалась в доннышко и стекала по стенкам. Потом мама перевернула стакан и поставила снова в окошко. Достала из кошелька трёхкопеечную монетку и опустила в щель автомата. Нажала на кнопку «Сироп апельсиновый». Автомат покряхтел, как старик, «хрррррр-хрррррр», и в стакан налилась почти до верху светло-жёлтая жидкость с пузырьками.

Коля смотрел на это чудо во все глаза. А мама кивнула:
– Бери!

Мальчик осторожно взял стакан и поднёс его к лицу. Пузырьки лопались, и до кожи долетали приятно-прохладные даже не капельки, а отголоски капелек. Коля зажмурился и вдохнул запах. Пахло невероятно вкусно: чем-то фруктово-сладким. Он осторожно, не открывая глаз, пригубил напиток. Рот наполнился взрывающимися пузырьками, от которых щекотало в носу. Мама смотрела на Колю и улыбалась.

Потом они гуляли по Александровскому саду, наблюдали за сменой караула у Могилы Неизвестного Солдата, поворачивали на Красную Площадь.

К вечеру, когда возвращались в барак, на кухне собиралась компания маминых соседей. Они громко смеялись, гру-

бо шутили и пили водку. Мама отправляла Колю в комнату и сидела с соседями так долго, что мальчик часто засыпал, ожидая её.

Иногда она вваливалась в комнату с дядей Толиком, и в темноте спотыкалась о матрас с Колей.

– Тьфу ты! Колька! Я про тебя и забыла. А ну брысь! Посиди за дверью, пока тебя не позову.

Обычно Коля так и засыпал в коридоре, пока утром его не тормошила мама и извиняющимся тоном не звала есть кашу в общую кухню.

Когда Коля перешёл в пятый класс, учителей стало много. И если Ирина Васильевна не придавала значения отсутствующему взгляду мальчика, зная, что он быстро соображает и всегда готов к ответу, то Наталья Михайловна невзлюбила его сразу.

Она придиралась ко всем мелочам: за лишнюю палочку в букве «т» снижала оценку на балл. По литературе, если был задан пересказ произведения, Коля должен был его не пересказывать, а знать наизусть.

Если раньше встречи с мамой он ждал с нетерпением, то сейчас он жил от встречи к встрече.

Как-то Коля засмотрелся в окно и не услышал вопроса Натальи Михайловны, которая ходила между рядами. Она как будто ждала этого повода. Подкралась намеренно тихо сзади.

– Ах ты маленький мерзавец! – с размаху ударила его указкой по спине.

Боль выдернула Колю из его грёз. Он не успел сообразить, что происходит – тело среагировало само, как у тётки в Белоруссии, когда двоюродные братья пытались зажать его и поколотить – в нём просыпался зверёныш.

Он схватил чернильницу и с разворота швырнул её в сторону, откуда прилетел удар. Чернильница попала в лоб учительницы, и тушь вперемешку с кровью залила её лицо, белую блузку и дальше по гладкой синтетической юбке стекала на пол уже небольшими капельками...

Сколько бы «магарычей» мама Коли не носила учителю, директору и даже заведующему больницей – Колю поставили на учёт в психдиспансер.

Маме казалось, что на судьбе её сына поставлен крест: ни нормальной работы, ни жены, ни детей.

Если до этого её внимание было поглощено выживанием и выцарапыванием жилплощади в большом городе, а Коля, скорее, своим наличием вносил вклад в чувство, что она живёт как все, по плану: техникум, ребёнок, барак, работа. То сейчас «ребёнок, стоящий на учёте в психушке», как будто откидывал не её тень неполноценности.

– Я тебя в Москву для чего привезла?! Чтобы ты тут не пойми чего творил?! Мать позорил?! – орала она на него после медкомиссии. – Ты знаешь, чего мне стоило устроить тебя в интернат?! И чем? Чем ты мне отплатил?! Пытался убить учительницу, которая тебе не понравилась?!

– Мама, – всхлипывал Коля. – Я не хотел её убивать. Она

меня ударила и...

– Не смей мне врать!

Вафельное полотенце больно хлестануло мальчика по голове.

– Советский педагог никогда и пальцем не тронет ребёнка! На это имеют право только родители!

– Мама, мамочка... – Коля подвывал, обхватив колени.

«Пожалуйста, только не бросай меня! Бей, но не бросай...» – молился он про себя.

– Ты маленький ублюдок! Такой же гнилой, как твой папаша! – Полотенце продолжало хлестать по спине.

Коля ещё больше втянул голову в колени. Он не сопротивлялся. В какой-то момент он начал представлять, что ничего не чувствует. Вспоминал, как они с мамой гуляли по Красной площади и ели мороженое. И убеждал себя, что сейчас он там, вместе со своей доброй и такой красивой мамой...

До конца учебного года мама не появлялась в интернате вообще. Звонила директору и говорила, что её перевели на дальневосточный поезд. В Москве бывает раз в месяц и не попадает на выходные. Один отсыпной – и в обратную дорогу на Дальний Восток.

После медкомиссии Коля ходил два раза в месяц на приём к психиатру. Это был здоровый молодой дядька в очках с роговой оправой и с небольшой лысиной ото лба. Он спрашивал, как у Коли дела в интернате, нравится ли новая классная, к которой его перевели, и с кем он дружит.

Коля не дружил ни с кем. Потому что когда началось разбирательство по тому случаю, ни один из детей не рассказал, как было на самом деле. Коле не верили, а верили Наталье Михайловне, которая срывающимся в слёзы голосом убеждала комиссию, что «этот чудесный мальчик, который всегда так хорошо себя показывал на уроках, вдруг ни с того ни с сего вскочил, схватил чернильницу и бросил мне в голову».

Конечно, дети в интернате были зашуганные и в большинстве вообще боялись подавать голос. Но даже Вовка! Вовка, с которым он делился своими котлетами и единственному показал свою сокровищницу... Тоже промолчал. Он, как и все кивал, когда инспектор задавала вопросы, всё ли было так, как рассказывает учительница, и мотал головой на вопрос: «Есть ли что добавить?»

С того момента Коля ни слова не проронил Вове.

В новом классе Коля решил ни с кем не общаться – слишком сильно его задело поведение бывшего лучшего друга.

На робкие попытки новых одноклассников познакомиться он отвечал сухо, односложно, чтобы они скорее от него отстали. Что они и сделали, закрепив между собой за Колей кличку «псих».

Глава 8

Когда Оля забеременела, она почувствовала огромное облегчение. Ей казалось, что вот теперь она наконец-таки становится полноценным человеком. Что все её страхи, что с ней что-то не так, рассыпаются под видимыми результатами её жизни: любимый, любящий муж и ребёночек.

На шестой неделе Оля зашла в туалет и побелела от страха: на белье она увидела кровь. Живот не болел, не тянул. Но от вида небольшого количества крови закружилась голова. Она вышла и легла на кровать. Тело начало дрожать, мысли в панике не могли сосредоточиться на чём-то одном. Какие-то недоформулированные слова, рваные эмоции тревоги, ужаса, облегчения. Она положила руку на живот:

– Малыш. Любимый мой. Держись. Пожалуйста. Я тебя очень люблю. Мамочка здесь. Мама рядом. Только останься со мной. Я буду любить тебя изо всех сил...

В этом бормотании Ольга впала в странное состояние между явью и сном. Продолжая попытки мысленно связаться с малышом, она вдруг почувствовала сильную ненависть, желание, чтобы ребёнка не было. Рука замерла на животе. Сознание Ольги выдернуло её из этого состояния.захотелось спрятаться.

«Как так? Откуда эта ненависть? Этого не может быть! Это самый желанный ребёнок на свете!» – не могла понять

Ольга.

Она села на кровати и постаралась нагнуться как можно ближе к животу:

– Родной мой, любимый малыш! Я бесконечно тебя люблю! Мы с папой тебя очень ждём! Слышишь! Держись!

Олю чуть отпустило, и она сразу записалась на приём к врачу.

Врач – милая, доброжелательная женщина – успокоила её, прописав таблетки.

– Такое бывает, ничего страшного. Попьёте недельку лекарство, кровомазание должно прекратиться. Потом – на контрольный приём.

Оля более-менее успокоилась – она понимала, что на ребёнка во многом влияет её состояние и за ним нужно следить в первую очередь. Весь день старалась направлять внимание на доброе и светлое – читала книги про материнство. Когда Саша пришёл с работы – посмотрели чудесный трогательный фильм про детей. Легли спать.

И когда Саша уснул, а Оля была уже на грани, в неё вновь прорвалось чувство дикой ненависти к ребёнку, желание, чтобы его не стало. Она вскочила с кровати. На лбу выступили капельки холодного пота. Во рту пересохло. Сердце бешено колотилось.

Чтобы как-то себя успокоить, Оля пошла на кухню и выпила воды. Умылась. Дыхание и сердцебиение восстановились. Приложила руку к животу, прислушалась. Ничего.

– Эй, малыш, ты слышишь? Я тебя люблю! Всё будет хорошо. Вот увидишь! Я найду способ с этим справиться.

Она вышла на балкон. Вдохнула приятный прохладный воздух. Он прокатился внутри освежающей волной. Посмотрела на небо, и взгляд зацепился за звезду.

«Прошу тебя, кто бы ты ни был там наверху. Помоги мне и моему ребёночку...»

Оле показалось, что после этого мысленного обращения звезда моргнула.

Она зашла обратно в кухню и поняла, кого может спросить о том, что происходит. Посмотрела на часы – 23:18.

«Поздно, конечно, писать. Наверное, неприлично», – подумала она, но всё-таки решила проверить: а вдруг не спит?

В мессенджере под именем «Катя» – психолога и ведущей расстановок, у которой она была, – светились буквы online.

«Привет! Прости, что поздно. Надеюсь, не сильно тебя побеспокоила. Я жду ребёнка. Беременность желанная. Но меня вдруг накрыло какой-то невероятной ненавистью, словно я не хочу ребёнка. Но я хочу! Очень! Ощущение, будто это не мои мысли. Хотела спросить: ты с таким сталкивалась?»

Катин ответ пришёл через минуту.

«Привет, Оля. Да, бывает такое. Скорее всего, всплыла какая-то родовая история. Когда женщина беременеет, она становится более восприимчивой. В том числе может подниматься память из рода. Какие-то истории, особенно связанные с детьми. Есть одно упражнение, которое может помочь.

Возьми лист бумаги, сядь и напиши сверху вопрос: «Кому это принадлежит?» Потом пересядь на другое место, прикрой глаза, представив, что ты та или тот, кто на самом деле испытывал это состояние, возьми ручку и пиши всё, что придёт. Так можно получить ответ».

«Спасибо огромное, Катя! Очень успокоила».

Оля убрала телефон и почувствовала, что очень устала. Решила отложить упражнение до утра. Вернулась в кровать и когда легла на подушку, закрывая глаза, мысленно спросила в никуда: «Кому это принадлежит?»

Во сне она увидела девушку. Совсем юную. Похожую на героиню исторического фильма. Она стояла посреди тёмной комнаты со старинным убранством: массивным деревянным столом с вышитой скатертью из полотна, деревянными лавками, горящими свечами.

Рядом с ней кто-то был, но Оля не разобрала кто. Только расслышала, как девушка в отчаянии закричала: «Меня изнасиловал молодой граф. Моё тело! Я ненавижу его теперь! Я ненавижу этого ублюдка внутри!».

Бедняжка разрыдалась. Человек обнял её. А она зло прошептала сквозь слёзы: «Я хочу, чтобы он умер! Чтобы они оба умерли!»

Оля проснулась и долго сидела, обхватив колени.

«Господи, неужели эта девочка – мой предок? Как же ей досталось... Как жаль её... Даже представить не могу, что ей пришлось пережить...»

Оля прислушалась к себе. Теперь она ощущала полное спокойствие в отношении своего малыша. Она поняла, что на самом деле это не она испытывала ярость и ненависть по к ребёнку. С того дня кровомазание прекратилось, и Оля спокойно выносила и родила прекрасную девочку.

Глава 9

Варя спала только на руках. Стоило лишь положить её на кровать – маленький ротик открывался и извергал нечеловеческий ор.

К концу третьего месяца Оля смирилась с тем, что не испытывает любви к дочке. Она так ждала её появления, так мечтала о всех этих мимишных восторгах, как будет на неё бесконечно смотреть и любоваться, тая от нежности и любви.

Три месяца, где каждый день как в тумане. Тело живёт в режиме автопилота. Не всегда понятно: сейчас утро или вечер – хронический недосып стирает остроту восприятия времени суток.

И вот в этом тумане в Олино сознание пробивается голос. Нет, не голос – крик!

Стой! Сейчас же остановись!

Она рефлекторно замирает.

Держи ребёнка! Медленно! Очень медленно спускайся назад.

Женщина делает это на автомате. И тут на неё накатывает ужас! Она осознаёт, что спускается с подоконника с Варей на руках.

Какое-то время стоит в онемении и смотрит на дочь. Малышка ещё спит, забавно причмокивая во сне. Оля кладёт её

на кровать, и ребёнок на удивление продолжает спать. Мать ложится рядом и берёт подушку. Вжимает в неё своё лицо и начинает беззвучно кричать.

*

После этого случая Ольга тщательно следила за тем, чтобы не подходить близко к окну, пока мужа нет дома.

Вечером Саша, наспех перекусив, брал Варюшу и веселился с ней на покрывале. Оля никак не могла понять, как это ему удаётся? Он что-то рассказывал малышке, щекотал её, делал «козу». Дочка заливалась смехом и почти никогда не плакала с ним. А Ольге тоже так хотелось немножко тепла и ласки... Хотя нет, не немножко: внутри она ощущала бездну холода и тоски.

– Саш, – с отголоском надежды позвала она мужа.

– Что? – милый, улюлюкающий голос сменился на чуть раздражённый.

Ольга почувствовала, как слёзы подкатили к горлу. Ничего не сказав, она убежала плакать в ванную.

Утром молодая мама терзалась раздумьями, глядя на Варюшу: «Ну ведь хоть что-то я должна к ней чувствовать?! Ну ведь не должен ребёнок жить без любви! Но почему внутри только усталость?!»

А вечером она снова наблюдала, как муж играет с дочкой. И её сердце переполнялось благодарностью:

– Спасибо, – прошептала Оля одними губами.

Но он услышал и удивился:

– За что?

– За то, что ты есть у нашей крошки...

*

На месте отца у Ольги внутри всегда была пустота. Тяну-
щая, тоскливая. А когда она смотрела на мужа с ребёнком –
завидовала. И ругала себя за это. Он – муж и не должен быть
ей папой. Он чудесный отец для Вари. А она... Она чувство-
вала, что и нормальной матерью не может быть, и женой нор-
мальной тоже не получается. На дне души скулил ребёнок,
который не давал ей быть ни тем ни другим...

*

Звёзды стали пропадать с небосвода, когда Хельга уви-
дела во сне женщину. Ту самую, которая истово мотала ко-
гда-то неразлучников. Теперь она лезла на высокий подокон-
ник с младенцем на руках. Волосы висели сальными прядя-
ми, в глазах была пустота. Хельга не успела удивиться, что
окно было на такой высоте, с которой только виднелись вер-
хушки деревьев, внутреннее чутьё запульсировало непопра-
вимой бедой, и она проснулась.

Вскочила и побежала к полке с травами. Схватила анис,
полынь и лаванду. Быстро запалила сухоцветы и начала вра-
щаться вокруг своей оси, создавая из дыма трав вокруг се-
бя кокон. Когда от дыма заслезились глаза, Хельга зажмури-
лась, и картинка снова появилась перед внутренним взором.
Девушка отрешённо смотрела вниз. Как высоко-то! Где та-
кое бывает?!

И Хельга закричала:

– Стой! Сейчас же остановись!

Молодуха замерла. Хельга почувствовала, как их связь крепнет.

– Держи ребёнка! Медленно! Очень медленно спускайся назад.

И потеряла сознание, успев увидеть, как мать кладёт ребёнка на ложе.

Проснулась она после полудня. Голова гудела как никогда. Хельга умылась, надела сарафан и вышла из избы.

Солнышко грело, а трава приятно ласкала стопы. Травница прикрыла глаза и представила, как головная боль тёмно-серым дымком спускается по телу и просачивается сквозь стопы в землю. Она приподнялась на пятки и с силой стукнула ими вниз. И ещё раз. После третьего раза открыла глаза – боль ушла. На её место пришёл зверский аппетит.

Глава 10

Ингрид только-только исполнилось тринадцать. Она была старшей из семи детей Берта Крюгера, владельца постоянного двора «На окраине», который находился прямо на въезде во владения графа Корбу. Престарелый хозяин души не чаял в своей старшей дочери – она родилась от его третьей жены. Первые две умерли при родах.

На постоялом дворе бывали люди разные, в основном торговцы, которые останавливались здесь, когда приезжали на ежегодные ярмарки. В остальное время семья Крюгер кормилась благодаря таверне. Они варили самое вкусное пиво в округе, которое покупал и сам граф Корбу.

Ингрид с детства помогала отцу и матери вести хозяйство: стирала бельё, готовила закуски, подметала перед открытием зал таверны.

В последние два года, когда девочка начала превращаться в девушку, и притом красивую, отец запретил ей заходить в едальню при посетителях и собирать бельё комнатах для постояльцев – от греха подальше. Поэтому Ингрид теперь обитала в основном на кухне да стирала и развешивала постельное бельё на улице.

Дверь таверны с грохотом открылась, и на порог завалилась компания уже «навеселе».

– Эй, хозяин! – Вперёд вышел высокий, молодой, богато

одетый господин.

– У тебя, говорят, самое вкусное пиво в нашей округе?!

Берт Крюгер сразу смекнул, что сегодня можно хорошо заработать.

– Пиво хорошее, герр. Что есть, то есть. – Хозяин выбежал из-за стойки и жестом пригласил вошедшего к самому большому столу в центре. – А вот брага... Такой вы точно нигде не пробовали!

– Брага, говоришь? Ну что, друзья, отведаем браги отменной? – Знатный господин махнул рукой, чтобы все рассаживались.

Поднялся одобрителный галдёж. Крюгер подошёл поближе:

– Что желаете откусать? Отварную баранину, зажаренную свинину, запечённых цыплят?

– Неси всё! Папенька отошёл к всевышнему, и теперь я хозяин замка Корбу!

– Да здравствует молодой граф! – завопила вся компания.

Берт сам в этот вечер обслуживал Романа Корбу. Он смекнул, что если расстараться как следует, то есть шанс не только продавать в замок пиво, но и пристроить на господскую кухню и Ингрид. Место тёплое, денежное, там, глядишь, и жениха достойного подобрать можно – возраст уже подходит. Сейчас, конечно, её нельзя подпускать к ним. Мало ли что пьяным и молодым парням, хоть и знатным, взбрёт в голову.

А вот напоить их он собирался как следует. Так, чтобы потом разнести по комнатам. И уже послал десятилетнего Варнаву за кузеном жены и его сыновьями. Сам всех не перетаскает, понятное дело. А утром, помимо счёта за трапезу, ещё можно будет прилично собрать за ночлег.

Пока молодой граф веселился с друзьями, хозяин таверны отправил Ингрид застелить свежим бельём постели для гостей.

Девушка была аккуратна и внимательна. Поняв, что сегодня у них остановились особые гости, Ингрид старательно стелила постели, пока не увидела, что одной простыни не хватает. Ничего не оставалось, как идти во двор снимать высушенное бельё с верёвок. На улице смеркалось. Надеюсь, что её никто не заметит, Ингрид выскочила во двор.

*

Уже изрядно напробовавшись браги, Роман захотел в отхожее место. Он встал. К нему тут же подскочил его друг по пирушкам Ивон. Роман уронил ему на плечо руку, и они покачиваясь пошли на улицу.

Обойдя таверну, молодые люди забрели в кусты. Искать нужник дальше не стали. Пока лилась горячая струя, взгляд Романа блуждал из стороны в сторону. Он зацепился за какое-то движение, на котором граф попытался сфокусироваться. Роман наконец-то разглядел женскую фигурку с изящной талией. Чем дольше он смотрел, как девушка снимает бельё, тем острее чувствовал желание плоти, изрядно

разогретой выпивкой.

– Ивон, – толкнул он приятеля, не отводя взгляда от девушки. – Постой тут и никого не пускай дальше.

– Да, мой граф, – понимающе хмыкнул Ивон.

*

Берт всю ночь старался как мог услужить молодым господам. Два помощника сбились с ног, принося всё больше выпивки и еды. Как только пустели стаканы, хозяин тут же наливал ещё. Смешивал пиво с брагой, чтобы быстрее сморило опьянение. Но молодые и сильные мужчины отключились только перед самым рассветом.

Пока кузен и его сыновья разносили тела по спальням, довольный Берт отправился в свою комнату подсчитать барыш. По дороге он заглянул в спальню к дочерям. Ингрид и Роза – свет отцовских очей – лежали на своих кроватях, накрытые одеялами. Берт тихонько прикрыл дверь, так и не заметив мокрого от слёз лица старшей дочери и её прикушенных в кровь губ...

Глава 11

Как только Ольга провалилась в сон, ей почудилось, что она ощущает запах крови, замешенный на ужасе. Женщина попыталась проморгаться и увидела заваленную набок телегу. Ей было не разглядеть, что за ней, но тянуло ощущением опасности и беды.

Показалась красная полоска на снегу. Затем – сваленное сено вперемешку с кровью. На нём стонала девушка. Старая тканая юбка тоже была покрыта пятнами крови, а там, где она задралась, были видны голые ноги в непонятной обуви.

Первой реакцией Ольги было кинуться к девушке, но тут она обнаружила, что у неё нет тела. Получалось, что она всё видит, но притронуться не может. Посмотрела туда, где обычно взгляд находил руки – ничего. Оля почувствовала себя видеокамерой, снимающей всё происходящее. И тут девушка не просто застонала – завывала. До Ольги дошло: рожа-ет!

Оля заметалась взглядом из стороны в сторону: кого-то надо позвать. Но как?

– Эй, милая, ты меня слышишь? – попробовала позвать девушку.

«Господи, совсем девочка же. Лет пятнадцать от силы».

Глаза роженицы были как будто в тумане. Оля поняла, что девушка сейчас никого не слышит. Снова вой.

«Господи! Что же делать-то?!»

– Эй! Кто бы ты ни был! Где ты, когда так нужен?! Помоги!

Внутренний голос, который появлялся в самые критические моменты Олиной жизни, был сейчас необходим как никогда.

Ничего, тишина.

– Где ты?! – снова заорала Ольга мысленно. – Помоги. Пожалуйста!

Девушка протяжно закричала. Нижняя часть юбки взбухла. И тут Оля с ужасом поняла, что ребёнок вышел. Повисла странная тишина.

«Это только в кино новорождённые сразу орут. Когда появилась Варя, – вспомнила Ольга, – да ещё на пуповине, она тоже не кричала. Лишь когда акушерка удалила слизь из носа, вот тут да – послышался крик».

Девушка вроде отключилась. Но грудь вздымалась высоко – жива. А вот под юбкой шевеления не было.

«Господи. Тут же должно быть холодно – снег вокруг. Как укрыть младенца?! Надо хоть что-то делать! Срочно!»

Оглядись вокруг!

«Ну слава богу!»

Ольга подняла взгляд. Оказывается, телега была опрокинута в поле, недалеко от дороги. В одну сторону та убежала к лесу, за которым маячила верхушка горы, покрытая соснами. В другую – терялась в роще. За ней на холме возвышался

замок с огромной чёрной птицей на одной из башен. Когда Ольга взглянула на неё, всё поплыло – и она проснулась.

Наволочка промокла от потных волос. Оля почувствовала, как капелька вытекла из левого глаза и затекла за ухо.

«Ну и приснится же!» – подумала она.

Потянулась к телефону – без десяти семь. Засыпать уже смысла нет – через пятнадцать минут будить Варю в садик. Оля решила пока ополоснуться.

Стоя под душем, размышляла: «Раньше этот голос всегда сам появлялся, а сейчас, во сне, я впервые его позвала, и он откликнулся. Может, это подсказка? Может, и в жизни можно так попробовать? Но как?! Просто сесть и сказать: „Эй, привет! Ты кто такой... или кто такая?“ Ведь он слышится именно моим голосом...

Так, что я об этом знаю.

Появляется, когда мне что-то угрожает: в море в детстве, на крыше в юности, или когда феназепам наглоталась сдуру, или когда после родов чуть в окно с Варюшей не вышла.

Как же теперь можно установить контакт? А главное – зачем? Ну вот если предположить, что получится, то что спрашивать? Что говорить?

Так, вернёмся ко сну. Во сне я до голоса «достучалась», когда опасность угрожала не мне, но я испытывала ужас. То есть вроде и про меня, и не про меня. Но сходство – в опасности. Значит, теоретически, когда есть опасность, можно попробовать позвать. Но специально устраивать себе трешачок

как-то не хочется. Хммм, ладно, подумаю об этом попозже».

Вечером Ольга только коснулась подушки, прикрыла глаза и не заметила, как тут же провалилась в сон. Стала моргать и увидела ту самую девушку. Ольгу окатила волна ужаса: младенец, весь синий от холода, жалобно скулил, мать достала из-за пазухи нож и замахнулась на ребёнка.

Глава 12

В эту ночь Хельга дождалась рассвета на высоком холме, с которого открывался чудесный вид на полноводную Рену и лиственный лес, стелящийся за ней. Сам холм был покрыт соснами. Они сбегали густым покровом до самого подножия. В ночь осеннего солнцестояния, когда кромка между мирами и временами становится особенно тонкой, травница чувствовала что-то непонятное: внутри сплетались тревога, предвкушение, упование на чудо.

Она подкинула дров в небольшой костёрчик и туда же – щепотку трав из мешочка со сбором для ясновидения. Год назад в его тумане она увидела себя, баюкающую малыша, и с такой надеждой проживала этот год, вглядываясь в каждого встречного мужчину... Но ничего. Ни искорки, ни волнения, ни нежности ни с кем не испытала.

И вдруг тело Хельги как будто пронзило током: «*Помоги! Пожалуйста!*» Сквозь дым она увидела девушку на снегу в окровавленной юбке, лежащую на грязном сене за сваленной телегой. Она была в забытии и точно не могла никого позвать. Но место было как будто знакомо Хельге. И сама девушка кого-то ей напоминала... Она хотела рассмотреть, что есть ещё вокруг, но не могла повернуть взгляд. Будто не она сама смотрела, а через кого-то.

– *Оглядишься вокруг!* – попробовала обратиться Хельга

непонятно к кому.

И тут взгляд начал двигаться. Телега была опрокинута недалеко от дороги. В одну сторону она убегала к лесу. В другую – терялась в роще, за которой возвышался замок. Видение исчезло так же внезапно, как и появилось.

Костёр почти догорел. Звёзды пропадали, и небо начало светлеть. Хельга встала, прошла на другую сторону холма и остановилась в задумчивости... Здесь открывался не менее прекрасный вид. Вид, где ближе к горизонту за лесом виднелись башни замка, на одной из которых даже с такого расстояния была видна огромная чёрная птица...

*

Целый день Хельга пыталась понять, что делать. В видении всё происходило зимой – вокруг было много снега. И непонятно – случилось ли это уже или только произойдёт в будущем.

Ко всем своим видениям в течение жизни Хельга относилась очень серьёзно. Хотя ей часто многое в них было непонятно, но когда она осознавала, что человеку в них грозит опасность, и на её голос реагировали, внутри появлялось удовлетворение – такое же, как в жизни, когда она кому-то помогала исцелиться или выйти из беды.

Поэтому она решила, что несмотря на то, что пока не ясно, произошло это уже или нет, шанс, что это всё-таки предсказание, есть.

В замке династии Корбу Хельга побывала восемнадцать

лет назад. Больше там появляться не рисковала. Обычно всем необходимым её обеспечивали люди, которым она помогала и которые сами её находили: кому-то делала заговоры, кому-то по картам давала ответы на сложные вопросы, кого-то исцеляла.

Когда восемнадцать лет назад местный врач семьи сказал, что не выживет ни рожающая жена графа, ни ребёнок, служанка графини Софи обмолвилась Роберу Корбу, что в окрестностях есть травница-знахарка Хельга, «у которой рожают все».

Обезумевший от горя граф приказал срочно найти и доставить повитуху в замок. Так на свет появился Роман Корбу. Графиню спасти не удалось, а мальчика Хельга выхаживала полгода. Он умирал каждую ночь, и каждую ночь невероятными усилиями она вытаскивала его обратно в жизнь.

Пока знахарка боролась за жизнь младенца, его отец, который не мог пережить потерю жены, ночь за ночью то напивался до состояния ниц, то устраивал оргии, а то и покушался в пьяном бреду на сына, виня его в смерти любимой. И только Хельга умудрялась его остановить и не допустить беды.

Проспавшись утром, он гордился наследником и напомнил травнице, что пока жив ребёнок, жива и она, но если вдруг с сыном что-то случится, ей тоже не жить.

Когда Роману исполнилось полгода и он начал прибавлять в весе, опасность миновала. Хельга сказала графу, что теперь

мальчику нужна только кормилица и няньки, а ей пора домой. Робер пытался оставить её на жаловании в замке, но Хельга не могла жить за высокими стенами. Она и эти шесть месяцев еле-еле протянула только из-за необходимости сохранить жизнь младенцу.

– У тебя будет достойный дом, слуги, жалование. С твоим талантом от людей отбоя не будет, – уговаривал её граф.

– Да пойми же! Не могу я жить в несвободе! И дом у меня свой есть, и командовать другими не хочу. Талант мой угаснет тут. Мне нужно уединение, природа. Среди такого количества людей я траву не услышу, с растениями целебными связь потеряю и лечить никого не смогу.

– А вдруг... – опустил голову Робер, – когда ты уйдёшь, я вред Роману причиню?

– А ты не пей вина столько, – ответила Хельга. – В тебе злость когда просыпается? Когда вина обопьёшься, обдумывать перестаёшь и себя контролировать не можешь. Представь, что живёт в тебе змей злой, и пока ты его не кормишь – у него сил и нету. А как только вино пить начинаешь, да так, что в глазах мутнеет и стоять на ногах не можешь, – так и всё, нет тебя. Вместо тебя это чудище. Руками твоими двигает и пакости изо рта изрыгает...

– А как не пить-то? Как о Софи подумаю, так такая дыра в душе открывается, столько боли там, что кажется, и я лягу и умру. А вино выпью, так и отпускает чуть-чуть.

– Отпускает, пока пьёшь. А утром вспомни как?

– Ещё хуже, – признал граф.

– Конечно, хуже. А если ещё и сыну вред причинишь пьяным, так вообще себя не простишь никогда. Вот тогда и правда останется только ложиться да помирать.

– А что делать-то, когда и без вина плохо, и с вином ещё хуже?

– Попрощаться и отпустить жену. Я тебе помогу. Через неделю будет осеннее солнцестояние. Самое время для того, чтобы общаться с мёртвыми. Тогда и совершим обряд. Но ты должен пообещать, что после меня отпустишь, – Хельга умудрилась выразить свою просьбу тоном, не подразумевающим возражения.

– Если это поможет...

Глава 13

Накануне осеннего Солнцестояния Хельга собрала нужные травы для графа и приготовила отвар. Сама не пила – ей было достаточно бросить щепотку сушёного клевера в костёр – и её дар ясновидения усиливался. В полночь разбудила Робера, напоила его отваром, и они отправились на холм к востоку от замка.

Хельга нашла местечко, с которого удобно будет видеть восход. Быстро разожгла костёр – нужно всё успеть до первых лучей солнца.

– Сейчас, – сказала она графу, – я совершу ритуал – позову душу твоей супруги.

Робер хотел что-то спросить, но Хельга остановила его жестом.

– Ты не сможешь её вернуть, не сможешь к ней прикоснуться – это невозможно. Но у тебя будет шанс сказать ей всё, что важно сказать. Ты сможешь попрощаться и отпустить её. Пока ты так скорбишь, её душа не обретёт покой и не пойдёт на перерождение. Не держи, не мучай себя и её. Сейчас тебе нужно прекратить всё это. Отпустив её, ты сможешь начать новую жизнь! Ты сможешь достойно вырастить сына!

Хельга бросила щепотку сухой травы в костёр и тот зашипел, граф увидел силуэт своей жены.

– Софи! – воскликнул он и вскочил.

Подбежал поближе и уже хотел схватить её, но рука проскользнула сквозь образ.

– Её нельзя потрогать – она бестелесна в отличие от тебя, – напомнила Хельга. – И она не сможет тебе ответить. Но она всё слышит, и ты можешь её видеть.

Граф не отрывал взгляда от жены, поэтому Хельга не была уверена, что тот её понял. Но граф понял. Он упал на колени, и слёзы потекли из его глаз.

– Софи, милая моя! Любимая! Я не могу без тебя! Моя жизнь невыносима! Мне дышать тяжело... – В порыве Робер дёрнул руками за кафтан, и тот раскрылся вместе с рубашкой.

Хельга, способная видеть энергии, содрогнулась: область груди была не просто серой, как бывает обычно у тех, кто переживает потерю, она была тёмно-серой с чёрными прожилками. Лицо и руки, которые обычно были открыты, продолжали подсвечиваться оранжевым – цветом, характерным для истощения, но восполняемого и не смертельного. А вот грудь... Место, где живёт душа, уже было подёрнуто чернотой.

Пока граф выплёскивал своё горе, Хельга подошла и мягко прикоснулась к его спине в районе лопаток. Он даже не обратил внимания, а она испытала шок! В месте прикосновения полыхнуло жёлтым, как это обычно бывает, но импульс тут же потонул в сером мареве, которое было разлито по все-

му телу мужчины. Хельга не могла видеть цвет энергии человека, закрытого одеждой, без прикосновения к нему. И наблюдая обычно открытые участки кожи – ладони, лицо графа, не представляла, что внутри у него всё так плохо. Она умела только перераспределять энергию своим волевым усилием, но в теле Робера здоровая энергия оставалась, как теперь она видела через прикосновение, только в ногах. Она попробовала протянуть её к туловищу, и та, как тоненькая струйка потекла, не растворяя, а лишь слегка высветляя серую больную массу. Хельга внимательно следила, чтобы не перекачать всё от ног – иначе граф не смог бы встать. Оставила необходимый минимум.

Внимательнее присмотревшись к области сердца, она обнаружила еда заметную, тоненькую, как паутинка, сеточку, которая тянулась вверх – в центр головы. Её нужно было остановить в первую очередь. Хельга потянула туда свет, но его было слишком мало. Она понимала, что в таком состоянии граф не сможет отпустить жену. Она могла влить в него свою жизненную силу. Но тогда потеряла бы дар к исцелению. А без этого молодая знахарка не представляла своей жизни. Поэтому, когда она почувствовала, что сделала всё, что могла, – убрала руку. И просто наблюдала за графом.

Он стонал, молил жену вернуться, просил забрать с собой, потом спохватывался сына, снова рыдал. Душа беззвучно плакала и ничем не могла ему помочь.

У Хельги разрывалось сердце, но она понимала, что ситу-

ация тут безвыходная.

– Граф Робер, – попыталась она поднять его с колен. – Пора.

Без особой надежды она просила его отпустить жену. Приводила доводы, как мучается неотпущенная душа. Как он своим горем терзает её... Но всё было бесполезно. Рыдания графа начали переходить в истерику, и Хельга испугалась. Испугалась, что он сделает что-то с собой или с ней.

Ловким движением она резко нажала на специальную точку на шее графа, и тот потерял сознание.

Хельга села и выдохнула. Она не решила проблему, а только её отодвинула. Потом вспомнила про душу – она по-прежнему стояла и лила беззвучные слёзы.

– Прости, – обратилась к ней Хельга, зная, что та её слышит. – Не знаю, что делать. Я пыталась как могла. Но это не в моих силах.

Она бросила щепотку сушёного клевера в костёр, и образ графини Софи исчез. Хельга выдохнула и стала жать, пока проснётся граф.

Он проснулся с первыми лучами восходящего солнца. Сел на траве.

– Ну, как? – спросил он. – Получилось?

– А вы не помните? – удивилась Хельга.

– Я помню, что увидел Софи. Помню, что плакал. А дальше... дальше не помню.

Первый и единственный раз в жизни Хельга решила со-

врать:

– Да, всё получилось. Через месяц вам станет легче. Можно возвращаться домой. – Она подошла и, взяв его за локоть, помогла подняться.

Хельге было страшно. Она понимала, что граф будет мучиться и, скорее всего, будет мучить сына, но смалодушничала, осознавая, что ничего не может сделать.

У неё был выбор: или продолжать наблюдать за тем, как граф буйствует, напившись вина, ведь оно помогало на мгновения отключать его внутреннюю боль, при этом открывая дорогу черноте в душе. Или всеми правдами и неправдами сбежать, сохранив свою жизнь. Она выбрала второе.

Заболтав графа, наказав при нём слугам правильно поить его отварами трав – травы были общеукрепляющие, помогающие пищеварению и сну – она сказала, что её миссия в этом доме выполнена. А если что-то понадобится – он знает, где её найти.

И в тот же день, когда вернулась из замка, собрала свои скромные пожитки и отправилась подальше от владений Корбу.

Глава 14

Коля проснулся в мокром поту. Крик ужаса застрял стальным комом в горле, не позволяя издать ни звука.

Сначала во сне он почувствовал холод, пронизывающий каждую клеточку тела. Не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, словно что-то придавило его. А когда глаза начали привыкать к свету, увидел занесённый прямо над собой нож. Хотел закричать, но получилось только жалобное скуление. Потом всё оборвалось.

На улице только-только занялся рассвет. На часах – начало седьмого. Засыпать на сорок минут смысла не было. Коля перевернул подушку сухой стороной и попытался отвлечься от жутковатого послевкусия сна. Нужно будет рассказать Василию Сергеевичу.

Как ни странно, молодой психиатр Коли оказался единственным человеком, который смог найти к нему подход. В первые несколько месяцев, когда он пытался завязать с мальчиком общение, а Коля никак не показывал своей реакции – ну как казалось самому Коле, – Василий Сергеевич на удивление не сердился. Коля считал, что это временно, что рано или поздно психиатр всё равно станет орать. И поэтому он думал, что если не подавать виду, то ему будет не так больно, и он не проиграет взрослому дяде. После предательства лучшего друга, после того как мама превратилась из-за него

в монстра и бросила его, он решил больше никогда и никому не доверять.

– Здравствуй, Коля. Меня зовут Василий Сергеевич. Я врач, который лечит души детей. Ты знаешь, почему ты здесь оказался?

Коля упорно смотрел в пол и молчал. Он сидел на передней части стула, чтобы ноги доставали до пола, а ладони упирались в край и сильно его сжимали.

– Мне сказали, что ты вдруг ни с того ни с сего бросил чернильницу в голову учительнице. Это так?

Коля ещё сильнее сдавил пальцами край стула, нахмурил брови и сжал губы в тонкую полосочку.

– Ну, по тому, что это подтвердил весь класс и учителю наложили в больнице несколько швов на бровь, думаю, что всё-таки так.

Казалось, что мальчик перестал дышать.

– Но знаешь что? Я уже несколько лет работаю с детьми и не могу поверить, чтобы мальчик, о котором так хорошо отзывались и другие учителя, и сотрудники интерната, вдруг без всякого повода сделал такое. Я думаю, тут должна быть очень веская причина...

Коля едва заметно выдохнул, но Василий Сергеевич всё равно это заметил.

– Мне очень интересно какая. Расскажешь?

Коля мотнул головой из стороны в сторону, а Василий Сергеевич удовлетворённо кивнул – для первого визита да-

же такая реакция давала надежду.

– Хорошо, не буду тебя пытаться и выспрашивать, – сказал врач. – Мне кажется, милиционеры из детской комнаты с этим уже перестарались. Но если когда-нибудь ты захочешь об этом или о чём-то ещё для тебя важном рассказать, обещаю, что постараюсь тебя понять.

Коля недоверчиво, но всё-таки взглянул на лицо психиатра.

Со следующей встречи Коля стал разговаривать с врачом. Не обо всём, конечно: он отвечал на странные вопросы типа «А если бы ты был деревом, то каким?», рисовал по просьбе Василия Сергеевича животных – поодиночке и семьями, сочинял истории про них. Но никогда ничего не говорил ни про маму, ни про то, что случилось. Просто молчал и смотрел в одну точку. Василий Сергеевич не давил – и это Коле нравилось.

Поэтому со временем, когда врач спрашивал про сны, мальчик не видел в том ничего подозрительного и с охотой рассказывал.

Он всё ждал маму. Каждый день надеялся, что вот в эту пятницу, когда он отвлечётся и совсем не будет ждать, она внезапно окажется у двери в их общую спальню или у входа в столовую и позовёт его по имени. Коля не переставал ждать ни на минуту, а она так и не появлялась. И к Новому году тоже не появилась. И на его день рождения в апреле тоже.

С каждым новым днём его обречённость выедала всё

большую дыру в груди. В классе уже привыкли, что он ни с кем не общается, и перестали делать попытки к сближению. Пару раз над ним попытались посмеяться, обзывая психом и нащупывая слабые места, но он научился так жутко смотреть исподлобья в упор, что тот, кто хотел его унижить, замолкал на полуслове.

Тридцатого мая мама, наконец, пришла. Он увидел её, когда шёл по коридору после уроков. В первую секунду его лицо озарилось светом, глаза расширились, уголки губ потянулись в стороны... Но мама смотрела строго, и Коля почувствовал, что уже никогда она его не приласкает. И без того дырявое сердце покрылось жестяной корочкой. Его шаги замедлились, и он очень осторожно стал к ней приближаться.

– Ну, привет, – сказала мама, протягивая руку, чтобы коснуться его головы. Но на полпути рука замерла и вернулась обратно, якобы поправить ремешок сумки.

Коля стоял и смотрел на неё. Он хотел броситься к ней в объятия, расплакаться и рассказать, как ему было одиноко, как он скучал по ней, как ночами мечтал, что, когда она придёт, они поедут гулять на Красную площадь и есть мороженое, и всё будет, как раньше. Но липкий страх, что она оттолкнёт его, обида и злость за то, что её так долго не было, когда она была нужна больше всего на свете, комом застряли в горле и сковали ноги.

– Иди собирай вещи. Начинаются каникулы – отвезу тебя в Белоруссию к тётушке.

Коля кивнул и, опустив голову, пошёл собираться.

– Как вообще дела у тебя? – спросила мама, когда они разместили свои вещи в поезде.

– Нормально, – напрягся Коля.

– Это хорошо. Я говорила с директором. После того инцидента в начале года к тебе нареканий не было. Уже что-то. Да и психиатр в ПНД о тебе хорошо отзывался. Отпустил на каникулы.

«Василий Сергеевич? – подумал Коля. – Странно. Я же с ним вообще особо не разговаривал. Только рисовал, что он просил, и всё. Может и правда, нормальный мужик?»

– Если всё так и дальше пойдёт, есть шанс, что тебя снимут с учёта к окончанию школы. Тогда я смогу выдохнуть.

– Хорошо, – сказал Коля.

– Это значит, ты будешь стараться?

– Да, мам. – Коля сильнее сжал сцепленные в замок пальцы. – Меня снимут.

– Буду ждать.

Мама уехала на следующий день после того, как привезла его в деревню к родственникам. Коля решил, что с этого момента он будет вести себя со взрослыми безупречно. Он хотел, чтобы мама пожалела о том, что так надолго его оставляла. Мальчик считал, что если все вокруг будут говорить ей, какой он, Коля, замечательный ребёнок, то она когда-нибудь снова по-доброму посмотрит на него, а может, даже и обнимет.

Он вставал с петухами и задавал корм свиньям и курам, отводил корову пастись в общее стадо под присмотром сельского пастуха. Чистил загоны животных.

Позавтракав, спрашивал тётку, чем ещё помочь, и та всегда находила ему работу. Самый старший двоюродный брат – Андрей сматывался сразу после завтрака. У него случилась «любовь», и родители потеряли надежду приобщить сына к хозяйству. А вот Петьку и Ваньку гоняли. Но те, делая вид, что пошли работать, при первой удобной возможности отлынивали и занимались своими делами: соревновались на поджопник, кто дальше плюнет. А когда проигравший получал «награду», то обычно завязывалась драка. На их фоне Коля особенно казался идеальным ребёнком. И конечно, его ставили непутёвым братьям в пример, за что те его невзлюбили.

Как-то Петька и Ванька решили проучить наглого «москаля». Они сидели за сараем и пытались тихо спланировать, как ловчее опрокинуть на Колю помои, которые он носил свиньям.

– Мать выставляет ведро после вечернего мытья посуды на крыльцо. Колька обычно в это время заканчивает поливать огород и идёт его забирать. Может, подпилить ручку, чтобы ведро опрокинулось и залило всё крыльцо? – придумал Ванька.

– Ага, а потом оно будет вонять неделю. Не, надо что-нибудь другое, – отнёл идею Петька.

– Давай его просто поймаем у хлева и искупаем самого в

помоях? – заржал Ванька.

– Ага, а потом представляешь, что нам мать за своего любимчика сделает?! – скорчил рожу Петька. И, пародируя мать, пропищал: – Да как вам не стыдно? Такого хорошего мальчика обидели? Ай-яй-яй! Будете наказаны!

И уже нормальным голосом:

– И ведь придумает же что-то, чтоб мы ещё помучались. Нет, тут нужно что-то похитрее повернуть. – Петька задумчиво стал чесать подбородок.

В этот вечер братья так ничего и не придумали. В вечерних сумерках они не заметили, что их разговор слушал Коля, находившийся с другой стороны сарая. Когда Петька и Ванька пошли домой, Коля обошёл огород с другой стороны и задумчивый вернулся домой. Его план отомстить братьям, которые только собирались ему напакостить, созрел гораздо быстрее.

На следующий день, после того как задал корма животным и позавтракал, Коля сначала пошёл к сельскому магазину. Там, ловя моменты, когда никто не будет входить или выходить из магазина, насобирал несколько окурков около мусорного бака и, аккуратно завернув в клочок газеты, положил в карман.

Потом он отправился к местному алкашу.

– Здравствуйте, Вячеслав Митрофаныч! – Коля зашёл через незапертую калитку.

Как он и ожидал, дед уже успел накидаться пивом, и

взгляд его был мутный. Постепенно Вячеслав Митрофанович сфокусировал глаза:

– А, Колька! Здорова!

Он попытался встать, но лавка, на которой он сидел за столом, зашаталась, обещая упасть, и дед рефлекторно опустился обратно.

– Заходи. Чё хотел-то? Дядьке Никите что-то нужно? Так он мне ещё топор не отдал, который на той неделе брал. Или отдал? – задумчиво почесал он жиденькую бородёнку.

– Да нет, – ответил Коля, – он ничего не просил. Я просто подумал: вы вот один живёте, дети давно не приезжали, может, помочь чего? По хозяйству?

– Эм...

Дед растерялся. Взял пивную бутылку со стола, хотел глотнуть, но она оказалась пустой. Поставил обратно и забегал глазами вокруг. Потом махнул рукой и снова поймал взглядом Колю. Перекинул ногу через лавку, развернулся, чтобы удобнее было смотреть на мальчика.

– Помочь, говоришь? Ну, коли и правда помочь хочешь, возьми вёдра с кухни и принеси воды из колодца. Тяжело носить-то уже.

Старик пошарил руками по штанам и залез в карман. Достал пачку «Памира», вытащил сигарету. Саму пачку положил на стол и полез за спичками. Прикурил, наблюдая, как малец вышел из кухни с вёдрами и направился со двора.

Когда Коля вернулся, деда уже разморило, и он дремал,

положив голову боком на сложенные на столе руки. Мальчик поставил вёдра с водой на место. Вернулся и обошёл старика. Взял пачку сигарет со стола. Хотел вытащить три штуки, но их всего осталось три, и Коля забрал две. Так же аккуратно, завернув в клочок газеты. Уже подходя к калитке, кивнул сам себе и вернулся, чтобы забрать коробок спичек.

Жара в середине июня стояла днём жуткая. Придя домой, Коля сначала пошёл в комнату, где они спали с братьями, и положил под матрасы Петра и Ивана по сигарете. Потом вышел на улицу и, как и ожидал, обнаружил братьев в сарае – они каждый день прятались там от жары. Единственное место, кроме дома, где можно было более-менее свободно дышать: стены были сколочены из досок и не так сильно нагревались, а крышу прикрывала тень от листвы большого тутового дерева, растущего рядом. Дверь была приоткрыта, и, заглянув, Коля увидел на соломе разморённых сном братьев. Он аккуратно поплотнее прикрыл её. Около двери рассыпал бычки, а солому, которая торчала из щели, поджёг спичками. Сухая трава быстро занялась, и огонь начал лизать фанерную дверь.

Коля быстро ушёл с хоздвора и вышел за калитку. Развернулся и снова вошёл. Тут как раз тётя Нюра и дядька Никита появились на крыльце и увидели, как мальчик возвращается домой.

– Коля, – крикнула тётка. – Обед через пять минут. Мой руки и иди.

– Да хорошо, тётя Нюра. Я только сейчас... – он кивнул на хоздвор, где, помимо сарая и загончиков для скота, был туалет.

Когда Коля завернул на хоздвор, дверь сарая уже вовсю горела, а сквозь стены слышался крик пацанов. Он сделал испуганное лицо и заорал:

– Тётя Нюра! Дядя Никита! Пожар! Сарай горит!

И бросился в загон для свиней, в который ещё утром натаскал два ведра воды. В курятнике и коровнике тоже было припасено по два полных ведра.

Он выходил как раз с одним ведром, когда на хоздвор забежали дядя с тётей.

– В курятнике и коровнике есть вода, – крикнул Коля, проносясь с насколько это возможно полным ведром. В следующую минуту он уже с размахом выливал его на дверь.

Благодаря заготовленной заранее воде, пожар удалось погасить быстро. Петька и Ванька пострадать тоже не успели – испугались до чёртиков и измазались в саже. А вот когда их отец открывал погоревшую дверь, увидел на земле окурки. Убедившись, что мальчишки целы, он задал им такую трёпку, но те даже не поняли, за что.

С горящими от ремня задницами Петя и Ваня со слезами бросились к матери.

– Никита, да за что же ты ребят-то так? – обняв сыновей, спросила тётя Нюра.

– Да какие они ребята? – возмущённо заорал дядя Ники-

та. – Вредители они! Самые натуральные! Мало того, что курили в сарае, так ещё и пожар устроили! Если бы не Колька! Не его привычка делать всё как надо: с утра воды натаскал на вечер скоту – погорели бы твои ребята!

– Как курили?! – Мать забыла, что пару минут назад жалела своих детей, и вздёгнула их за уши. Пареньки ещё больше заревели. – Куда вам курить?! От горшка два вершка! Ах, паразиты! – Она толчком развернула их спиной к себе и отвесила по смачному пенделю. – А ну быстро в речку отмыться, стирать одежду и чинить её! Коленька, – обратилась она к племяннику, – иди сюда, мой мальчик. Дай обниму тебя. Спасибо тебе!

Коля робко подошёл. Но когда тётка обняла его, ничего не почувствовал. Ни тепла, ни радости от ласки. Только смотрел исподлобья на братьев и чувствовал свою внутреннюю силу: отомстил!

Глава 15

Хельга собрала небольшую котомку. Положила туда тёплую одежду и плед – как никак в видении было снежно, а сейчас деревья уже сбрасывали последнюю листву. Несколько скляночек с лекарствами против воспаления, мошну с монетами, сухие грибы, вяленое мясо и немного хлеба. Нож был всегда при себе в специальном кармане сапога, да и основные травы в мешочках на тесёмочках тоже привязаны к поясу. Воду брать не стала – лишняя тяжесть: места эти она знала хорошо, как и каждый родник, спрятанный и в лесу, и на его опушках.

Хельга шла, глядя внутрь себя и пытаясь вспомнить, откуда ей знакома девушка из видения. Сначала воспоминания клубились мутной дымкой, и женщина решила рассредоточить внимание, позволяя любым образам приходить и уходить. И наконец в памяти всплыла совсем юная девочка, которая пришла к ней семь лун назад:

– Здравствуйте. – Девушка вышла в сумерках по тропинке из леса прямо ко двору её домика на окраине деревни.

Хельга стояла перед столом, на котором были разложены разные травы, и собирала из них скрутки для засушки.

– Здравствуй. – Женщина вопросительно посмотрела на неё, не переставая обматывать ниткой пучок травы.

Девочка была совсем юная, она стояла и мяла пальцами

свою котомку. Потом вдохнула поглубже и сделала решительный шаг вперёд. Подошла ближе и остановилась. Посмотрела на пальцы Хельги, сжала сильнее свои и, резко подняв на травницу глаза, выпалила:

– Помогите мне избавиться от ребёнка!

Хельга удивлённо вскинула на неё взгляд. За свою жизнь сколько только женщин не приходили к ней за помощью. Большая часть просила помочь зачать, помочь выносить, сохранить, вылечить детей. Но ни одна никогда ещё не просила её о таком!

Тело Хельги в этот момент будто окаменело. То, о чём она мечтала всю свою жизнь, то, о чём не переставала ни дня молиться Великой Пряхе, и что до сих пор не сбылось у неё самой, эта девочка хотела уничтожить.

Хельге отчаянно захотелось отхлестать дуру по щекам. Но взгляд зацепился за пальцы с побелевшими костяшками, перескочил на упрямо поджатую нитку губ, на серые глаза, с вызовом смотревшие на неё. И в глубине их наконец Хельга увидела то, от чего её ярость сдулась, как воздушный шарик. В глазах девушки плескалась такая боль, от взгляда на которую у травницы будто на кусочки разорвалось сердце.

Она сделала глубокий вдох и выдох. Собрала оставшиеся травы в плетёную корзинку. Подняла её и вложила в руки девушки. Сама же собрала все получившиеся скрутки и повернула в сторону домика.

– Иди за мной.

Открыв дверь, Хельга вошла в скромное жилище, пропитанное уютом и ароматами трав. Положила пучки на полку, забрала корзинку у девушки, поставила её туда же. Зажгла три свечи, стоящие на столе.

– Проходи, садись, – указала травница рукой на лавку возле стола. – Как тебя зовут?

– Ингрид.

– Сейчас заварю чай и всё расскажешь.

Чай был с шалфеем, корнем валерианы, ромашкой и мелиссой. Даже сам аромат успокаивал, и сидящая напротив Хельги девушка немного расслабилась. Она готова была отстаивать до пены у рта своё решение, как тогда, когда пыталась убедить мать помочь ей. Однако посмотрев во внимательные глаза травницы, поняла, что та готова спокойно её выслушать.

– Меня изнасиловал местный граф, – голос Ингрид был твёрд и холоден, будто говорила не девочка, а бездушная кукла. – Но я думаю, что он этого даже не помнит – настолько был пьян. А мать... – девушка замолкла, набрала побольше воздуха и продолжила: – Моя мать обрадовалась, – голос её словно звенел, и сквозь слова наконец-таки начали проступать эмоции. – Она сказала, что это отличный шанс занять какое-то положение в замке. Мол, женой тебя точно не возмут, происхождение не то, а вот в тёплое место пристроят. А там, глядишь, на ребёнка ещё землю какую дадут после рождения.

Хельга встала, обошла гостью и села сбоку от неё.

– Какую землю?! – голос девчонки звучал всё громче. – Моё тело! Я ненавижу его теперь! Я ненавижу этого ублюдка внутри. Я не...

Знахарка обняла её за плечи, и Ингрид не смогла больше говорить – рыдания заглушили собой всё. Хельга стала немного покачиваться, одновременно качая девушку. Она ловила дыхание гостью и старалась выдохнуть ртом в такт с ней, но капельку длиннее. Казалось, прошла вечность. Хельга чувствовала узкие плечики девочки, её тоненькое тело, ещё даже не до конца оформившееся. А в глубине его видела чёрные нити боли, оплетающие живот и ноги, серую дыру страха в груди, металлические пластины ужаса на шее и горле.

– Сколько тебе лет, милая?

– Тринадцать, – послышалось сквозь всхлип.

– Бедная, бедная девочка. Совсем ведь ещё ребёнок. Ни один ребёнок не должен переживать такого...

На этих словах рыдания Ингрид перешли в завывания. Тело обмякло, и она совсем провалилась в объятия Хельги.

А Хельга, обнимая, перераспределяла энергию внутри Ингрид, пытаясь растворить серое свечение природным золотым светом.

Потом знахарка дала девочке тряпицу, чтобы та высморкалась, и поднесла кружку с чаем.

– Пей.

Ингрид глотала жадно. Пелена с глаз постепенно сходила. Взор становился более ясным.

Хельга посмотрела ей прямо в глаза и сказала:

– Ты ни в чём не виновата. Даже не смей так думать!

– Вы мне поможете?

– Я постараюсь. Но не так, как ты того просишь...

Девчонка вскочила с лавки:

– Мне может помочь только одно: чтобы этого чудовища не было во мне!

– Сядь, – строго сказала Хельга. – И помолчи.

Ингрид села уже не так близко и была по-прежнему насторожена.

– То, что с тобой произошло – ужасно. Графу нет никакого оправдания, – травница сделала глоток чая, давая себе время, чтобы подобрать слова. – И я только могу догадываться, какую боль, страх и ужас ты пережила и продолжаешь носить в себе. Да ещё мать твоя... Не пожалела. Не отогрела. Думаю, что просто об этом не подумала. Но пойми, – Хельга глубоко вдохнула, взяла ладони девочки в свои и постаралась говорить как можно мягче, – ребёнок в этом не виноват.

Руки Ингрид дёрнулись, но Хельга их удержала в своих и заговорила чуть быстрее, смотря девушке прямо в глаза:

– Сейчас ты думаешь, что он – воплощение того ужаса, что ты пережила. Что он – это часть того чудовища, который надругался над тобой. Но в этом ребёнке есть и твоя часть. Твоя кровь. И то, каким он станет, зависит от того, насколько

ты сможешь принять и полюбить его.

Хельга видела, как Ингрид отгораживается от неё, «загораживает» чувства, но не переставала делать попыток переубедить:

– Сейчас тебе кажется, что я говорю ужасные вещи. Как его можно полюбить?! Плод насилия?

Хельга дождалась, когда девочка кивнула.

– Знаешь, почему граф стал таким? Когда он родился, его мать умерла. Полгода он находился между жизнью и смертью, а его отец настолько был в горе от потери жены, что напивался и пытался сам его убить. Не один раз. Рядом не было ни матери, ни бабушки – вообще никого, кто бы его любил. И его сердце очерствело. Но это не значит, что твой ребёнок станет таким же! Он станет таким, каким его воспитаешь ты!

Пока знахарка говорила, Ингрид смотрела в пол. Её ладони по-прежнему были вложены в руки Хельги. На последней фразе девочка посмотрела прямо в глаза травнице и чуть отклонилась назад.

– А откуда... – она как будто пыталась поймать ускользающую мысль.

– Откуда что? – не поняла Хельга.

– Откуда вы это знаете? Ну, про графа?

– Так я, милая, принимала его в этот мир. И первые луны держала его за жизнь.

Ингрид резко вскочила.

– Так это вы! – закричала она. – Это вы виноваты, что это

чудовище появилось на свет! Ненавижу!

Она схватила свою суму и бросилась прочь.

– Стой!

Хельга выскочила за ней, но напрасно: девочки уже и след простыл.

Глава 16

Маму Ольгерда люди уважали. Она многим помогла за свою жизнь. Её считали доброй колдуньей, которая может и с того света вытащить. Это, конечно, было не так. Хотя в травах она разбиралась хорошо и знала на теле особенные точки, которые помогали больным. Однако ничего сверх человеческих сил делать не могла. Да и никто не мог. Но слухам не противоречила. Наоборот, считала, чем больше таинственного, тем больше веры. Сердце человека ведь какое? Доверчивое. Когда кажется, что уже ничего не поможет, часто надежда и спасает.

– Мам, а ты правда добрая колдунья, как о тебе говорят? – спросил восьмилетний Ольгерд.

– Я никогда не вру людям, сынок. – Они любили по вечерам сидеть на завалинке, пить вместе чай. – А когда они сами сочиняют что-то, я сначала решаю, пойдёт ли это на пользу. Человеку в сложных ситуациях очень важно знать, что есть кто-то или что-то, что сильнее его, и эта сила ему поможет. Что есть кто-то, кто возьмёт за него ответственность и всё решит. Вот как мама или папа у ребёнка. Ведь когда у взрослых людей всё хорошо – они сами всё решают и живут, постоянно делая выбор, потом отвечают за последствия. А когда случаются трудности, которые выбивают их из колеи, они забывают про то, что они взрослые. И чувствуют себя, как

чувствовал бы ребёнок, которому нужна помощь. И пока я буду доказывать, что он взрослый, что от него что-то зависит или в каких-то случаях не зависит, пока буду уговаривать делать то, что нужно, а он начнёт сомневаться – время может быть потеряно. Иногда и жизнь. Поэтому мне проще не спорить, что я колдунья, а, наоборот, поддерживать. Тогда я таким строгим тоном говорю, что нужно делать, и они делают. Без вопросов. Без потери времени. Как на войне – воину сказали: «В бой!» – и он идёт. Если бы ему стали объяснять, а зачем да почему, его давно бы убили. Так и в войне за жизнь. Мне приходится быть колдуньей – это значит быть просто взрослой и принимать решения.

– Мам, – задумчиво сказал Ольгерд, – так в бою воины же тоже умирают. Даже если сразу делают, что им велят.

– Да, сын, такое случается. И у меня, бывает, не выживают. Я же только взрослая, а не богиня. А нити жизни в руках матушки-Пряхи. И вот как она решит – оборвать или нет – так и будет.

– А зачем же тогда «воевать», если всё равно от её решения всё зависит?

– Так от неё и зависит, кто ко мне придёт или кого принесут. Она решает там, в мире богов. А тут, на земле, у неё нет других рук, кроме наших.

– А почему тогда не все выживают, если она их к тебе направляет?

– Может, потому, что и от самого человека зависит: хочет

он жить или нет. А может, ещё по каким причинам. Разумение человека всегда меньше божественного, и у меня не на все вопросы есть ответы. Я просто знаю, что должна делать то, что могу и умею. Но не всё зависит только от меня.

– Как тогда с Бруно?

– Да, тогда от меня зависело только, сколько он будет мучиться.

Ольгерд пытался осознать всё это. Чай был ещё тёплый, и кружка приятно согревала его пальцы в прохладный звёздный вечер. Рядом была мама, и было хорошо...

*

И вот восемь лет спустя он стоял напротив внимательно изучающего его графа. Юноша не мог встретиться с ним взглядом – не выдерживал. Ему казалось, что стоит только посмотреть тому в глаза, как граф всё поймёт: и то, что он не немой, и то, что он сын знахарки, и то, что боится его до дрожи в коленях.

– Откуда ты? – спросил граф.

Ольгерд неопределённо мотнул головой в сторону.

– Родители умерли?

Юноша кивнул.

– От чего? Убили?

Ольгерд замотал головой и несколько раз кашлянул в руку.

– Чахотка, – понял граф.

Ольгерд согласно кивнул.

– Ясно. В замок к лекарю чего не пришли лечиться?

Ольгерд пожал плечами.

– Знахарку звали?

Юноша испуганно посмотрел на него.

– Да не бойся ты. Ты же не знахарка. Понял, что пытались лечиться у проклятых. Вот потому что бабы эти – лгуньи, охочие до денег бедного люда, ненавижу их! К лекарю пришли бы – живы остались.

Ольгерд выдохнул. Слава Пряхе, не догадался граф.

А тот принял вздох облегчения за согласие и сожаление.

– Значит, ты меня понимаешь. И помогать мне будешь.

Будешь ходить по деревням: на рынки там заходить, в тавернах стаканчик пропустить – и прислушиваться, приглядываться. Когда люди поймут, что немой ты, будут более свободно при тебе говорить. А ты и слушай. Особенно про то, кто к травницам, знахаркам, колдуньям обращается... Да и потихонечку выслеживай, где этих баб найти можно. Потом вместе за ними ходить будем.

Ольгерд слушал, покорно опустив взгляд и сложив руки в замок впереди.

– Твоя задача за один оборот луны вывести меня хотя бы на одну мерзавку. Справишься – будешь сыто жить. Ну а нет...

Ольгерд снова испуганно посмотрел на своего нового хозяина.

– Ну, этого лучше тебе не знать. Ладно, иди. Завтра по-

говоришь с Ивоном – тем, что приводил тебя в чувства. Он тебе объяснит, где что делать и как искать.

Ночью Ольгерд проснулся от давнего кошмара. Рука с ножом летела прямо ему в лицо, и животный испуг парализовал не только его тело, но и дыхание. Он резко сел на лежанке, судорожно хватая ртом воздух и пытаясь понять, где находится. Кровь стучала в висках, и совершенно онемели пальцы. Через несколько минут, отдышавшись, как учила мама, он пришёл в себя. Снова лёг и уже совсем тихо заплакал. «Мама... Мамочка... Как мне тебя не хватает... Матушка Великая Пряха, пошли мне защиту!»

Юноша плакал, а перед глазами, пусть и меньше, пульсировал тягучий, липкий, густой серый страх. Это состояние было с ним всю жизнь. И даже когда мама пыталась излечить его от приступов непереносимой тревоги, становилось легче на какое-то время, но потом всё повторялось.

Отвлекаться получалось тогда, когда мама обучала его целительству. Рассказывала, какие травы от каких хворей помогают. Когда для выздоровления больному нужно вообще не давать еды, а только отвар или воду. Куда накладывать пальцы, когда человек сходит с ума от боли в голове. Каждое её слово было пропитано такой любовью и терпением к людям, к их телам, к их судьбам, что Ольгерд как будто окунался в это облако любви и грелся в нём.

Но однажды он увидел ужасное: как мама убила человека.

Глава 17

Лесника Бруно тогда принесли сыновья. Ольгерд с матерью только вернулись из леса с полными корзинками грибов, а Ральф и Руперт сидели с отцом на руках прямо на траве у крыльца. Из живота Бруно хлестала кровь.

Мать передала корзину Ольгерду и велела парням быстро заносить больного в дом, класть прямо на длинный стол.

– Жди здесь, – приказала она сыну, забегая на крыльцо.

– Что? – спросила знахарка, отрезая ножом лохмотья рубахи лесника.

– Кабан подрал на охоте, – ответил старший, Руперт.

Она обтёрла края раны влажной чистой тряпицей. Взглянула на лицо и отодвинула веко большим и указательным пальцами. Зрачок двигался из стороны в сторону, ни на минуту не останавливаясь. Знахарка приложила ладонь ко лбу Бруно, и в этот момент из уголка его рта потекла струйка крови. Он закашлялся, но глаза не открыл.

– Его не спасти, – бесцветным голосом сказала целительница.

Парни угрюмо посмотрели друг на друга. Потом на неё.

– Ему сейчас очень больно. Глаза двигаются – значит шок ещё недостаточно сильный, чтобы отключить все чувства. Единственное, чем могу ему помочь – быстро прекратить его мучения. Но решать вам.

Парни одновременно втянули воздух и, казалось, перестали дышать. Они понимали, что если эта знахарка говорит, что отец безнадежен, значит, спасения действительно нет.

– А если нет? – спросил Ральф. – Сколько он протянет?

– До темноты или, возможно, ночью отойдёт. Но всё это время будет мучиться. Очень сильно.

Руперт встал.

– Прощаемся, брат. Он бы хотел уйти без мучений.

Сыновья подошли к отцу.

– Он нас слышит? – спросил старший.

– Душа точно услышит, – ответила женщина и отошла подальше, чтобы не мешать прощаться.

Руперт наклонился к отцу и что-то ему прошептал. Поцеловал в лоб и отодвинулся в сторону, пропуская брата. Ральф, такой же здоровый, как брат, тоже наклонился, но произнести ничего не смог. Рыдания душили молодого парня. Он пытался сдерживать их, и только слёзы текли ручьями. Затем он встал на колени у стола, взял руку отца в свою и прислонился к ней лбом. Плечи его подрагивали. Брат подошёл и положил руку на его спину.

Знахарка в это время отвернулась к окну, ожидая, когда сыновья простятся с отцом. Взгляд её не был сфокусирован – она молилась Великой Пряхе, готовясь проводить к ней умирающего. Ольгерд заметил в окне мать и помахал ей.

– Пора, – услышала знахарка голос Руперта и повернулась к братьям.

Ольгерду показалось, что мать кивнула ему, чтобы заходил, и он поспешил в дом.

В это время она подошла к Бруно и большим пальцем надавила ему на жилку у основания шеи.

Ольгерд вошёл как раз тогда, когда нога лесника дёрнулась, а мать держала руку на его шее. Но она не помогла ему, а ещё сильнее надавила, и человек испустил последний выдох.

Глаза Ольгерда расширились от ужаса, и он бросился из избы.

Мальчик бежал, задыхался, руки болтались чужими плетями, а ноги запутывались в траве. Он слышал, как мама кричала ему, просила остановиться, но дикий страх гнал его прочь.

В какой-то момент он почувствовал, как кто-то хватает его за руку, и тело само разворачивается от рывка. Он увидел чудовище, которое вот-вот его сожрёт: огромная пасть раскрылась, а липкое щупальце уже затягивало его руку к себе в нутро. От шока мальчик потерял сознание.

Мать сидела на траве, обнимая Ольгерда, и качала его, тихо напевая:

Маленький мой мальчик,

Сладенький мой зайчик.

Мама обнимает,

Любовью исцеляет.

Солнышко родное,

*Моё дорогое,
Ты дыши свободно —
Тело успокоит.
Мама обнимает,
Любовью исцеляет.*

Наконец он открыл глаза. Увидел её лицо и улыбнулся. Но потом улыбка резко сошла с его лица, он сжался в тугой комок и испуганно выпалил:

– Мама, а ты правда убила того, кого к тебе принесли лечить?

– Он умирал, сыночек, – вздохнула мама. – Ему было очень больно, и он сильно мучился. Его было не спасти. Можно было только облегчить его страдания, прекратив их.

– Но ведь так нельзя! – вскрикнул Ольгерд и резко встал, отойдя от матери. – Это же живая душа! Нельзя! Нельзя убивать! А вдруг он бы выжил?! А ты ему не дала!

– Милый. Сыночек. – Знахарка старалась говорить мелодичным успокаивающим голосом: она боялась, что мальчик снова побежит от неё. – Не всё в наших силах, и не всех можно спасти. С такими ранами, которые были у Бруно, не выживают.

– Почему? – упрямылся Ольгерд. – Ты же зашивала большую рану на животе Анике, когда её ударил ножом брат. И она выжила.

– Потому что у Анике была разрезана только кожа. Её можно зашить. А у Бруно порвана не только она. Под кожей

есть разные части – органы. И если их повредить, то зашить, как кожу, уже нельзя.

Ольгерд смотрел на мать и не знал, что ещё спросить. Чувство несправедливости не уходило. А с ним беспомощность, обида, разочарование в матери.

– Ольгерд, – продолжала она, – поверь мне. Я хранительница жизни, и ты знаешь, что я стараюсь помогать всем, кто ко мне приходит. Но Бруно уже нельзя было спасти. Можно было только прервать его мучения.

Ольгерд дышал уже чуть медленнее – успокаивался.

– И ты думаешь, его сыновья позволили бы мне его просто так взять и убить? Они же были там. И это именно они попросили меня прекратить его муки. Именно они пожалели своего отца.

Ольгерд сморгнул ещё несколько слёз и бросился, рыдая, к маме в объятия.

– Мама. Mamочка. Мне было так страшно! Я так испугался! А меня? Меня ты не убьёшь?

Мать взяла его лицо в свои ладони.

– Ты чего? Ольгерд? Конечно, нет! – Она поймала его взгляд. – Я тебя люблю и буду всегда тебя защищать! Слышишь?!

Он вжался в её грудь и разрыдался ещё больше.

– Мне иногда снится... Мне так страшно. Мне снится, что ты замахиваешься на меня ножом и хочешь убить! А я даже убежать почему-то не могу. Мама. Mamочка. Я так боюсь!

– Ольгерд, милый мой. – Хельга сильнее прижала сына к груди. – Я люблю тебя больше жизни! И всегда буду любить, сынок.

Глава 18

– Соединение Марса и Раху, особенно в первом, четвёртом, шестом, восьмом и двенадцатом доме, говорят о признаках насилия в карте. Не обязательно сексуального, иногда – перенесённых авариях. Или, например, человек работает врачом – хирургом или военным. Тут нужно всю карту целиком смотреть, – объясняла с экрана монитора Инна Красницкая, преподаватель астрологии, на курс к которой записалась Ольга.

После декрета ей никак не хотелось выходить на работу в парикмахерскую. Хотелось перемен. Ольга чувствовала в себе силу, о которой ничего не знала. А работа в парикмахерской – это, конечно, хорошо, постоянных клиентов у нее было достаточно, но она понимала, что не раскрывается там полностью, и искала альтернативные варианты.

– Но скажу вам по опыту: у девяноста пяти взрослых женщин из ста это положение говорит о сексуальном насилии. Даже в других, более спокойных домах. Поэтому тут очень важно деликатно и тактично спрашивать у клиенток.

Не ставьте ни в коем случае такие «диагнозы», когда разбираете детские гороскопы. Вы как раз и можете помочь избежать этого, если речь идёт о ребёнке, в карте которого заложено насилие. Ваша задача донести до матери, что насилие в жизни человека с таким положением предопределено.

И если он сам будет социально приемлемо его реализовывать, то это ещё ему и денег принесёт, как вознаграждение за истинную реализацию. Знаете, сколько получают нейрохирурги, например? Или пластические хирурги? Да даже, простите, зубодёры в хорошей клинике в Москве зарабатывают очень даже неплохо.

А вот если человек будет жить, никак сам не проявляя этой агрессии, то тогда она прилетит ему извне. И это уже будет травма.

«О господи, – подумала Оля. – Хорошо бы такие ко мне не приходили».

Почему-то, когда речь заходила о насилии над женщинами, дыхание перехватывало и тело становилось как будто не её. Даже сейчас, слушая этот вебинар, Оля захотела выключить его и бросить всё обучение.

Она убавила звук, встала из-за стола, налила себе воды и маленькими глотками начала пить. Почувствовала, как вода стекает по пищеводу вниз живота. Потом обратила внимание на дыхание и стала удлинять выдох. Сжала-разжала пальцы, покрутила ладонями. Чувствительность восстановилась. Оля вернулась за комп и сделала громче звук.

– ...нельзя делать окончательное заключение без беседы с клиентом. Одна и та же позиция у разных людей может отыгрываться по-разному. Тут влияет и обстановка, в которой они росли, и отношения с близкими. И даже реакции. Например, у близнецов, у которых основная карта может быть

одинаковой, судьбы будут разными. В какой-то степени похожими, но всё равно отличаться. Рисунок одного похвалили, а другого нет. Одному ласки дали больше, а на другого не хватило сил. На одного накричали, выпустили пар, другому уже нормально объяснили. Один сломал ногу, другой нет. И ещё куча нюансов, которые влияют на самоопределение человека. В карте мы видим то, что заложено. Но как именно это реализовывает человек и в какой степени – это уже его выбор.

Вебинар закончился. Саша и Варя уже давно спали. Ольга умылась, почистила зубы и забралась под нагретое мужем одеяло. Хорошо как...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.